

СЛЕД СОКОЛА

КНИГА ВТОРАЯ
ТОМ ПЕРВЫЙ

ПОСЛЕДНИЙ
ДЕНЬ

СЛАВЕНА

СЕРГЕЙ

САМАРОВ

След Сокола

Сергей Самаров

**Последний день
Славена. Том первый**

«Автор»

2014

Самаров С. В.

Последний день Славена. Том первый / С. В. Самаров —
«Автор», 2014 — (След Сокола)

Вторая книга серии «След Сокола» рассказывает об отношениях между двумя славянскими князьями – Годославом и Гостомыслом. Первого, старшего по возрасту, история называет отцом будущего основателя династии русских князей и царей Рюрика, второго же, младшего, в рукописях называют дедом Рюрика. Каждая из этих исторических личностей известна по-своему, но, не будь между двумя князьями дружбы, история России, возможно, предстала бы иначе... Наряду с известными по первой книге цикла героями, такими, как король франков Карл Великий и его ближайшее окружение, помощники Годослава, князь-воевода Дражко и волхв Ставр с подчинёнными ему разведчиками, читатель познакомится и с новыми героями, восточными и западными славянами, такими, как отец Гостомысла неукротимый князь Буривой, варяжский князь Войномир, будущий князь острова Руян и Поморского княжества, впоследствии один из лучших полководцев Карла Великого, покоритель грозных аваров, и с другими. Хронологически действие происходит через три с половиной года после событий первой книги. Карл Великий сначала окончательно присоединил к своему королевству Баварию, а потом, прежде, чем вступить в серьёзную, на его взгляд, и долговременную войну против постоянной угрозы для всей Европы с юго-востока – Аварского каганата, решил обеспечить себе спокойствие в тылах. Для этого Карлу было необходимо окончательно усмирить ненадёжную Саксонию, и покончить с княжеством вагров, в котором правил князь Бравлин Второй. Но, чувствуя устремления Карла, поднимала голову и обеспокоенная Византия. Византии много неприятностей доставлял Аварский Каганат, висевший над северными греческими провинциями постоянной угрозой. Тем не менее, если сменить одного опасного соседа на другого, не просто опасного, но и страшного своей силой, упорством и организованностью – на королевство франков, угроза станет стократ сильнее... Это в Константинополе прекрасно понимали...

© Самаров С. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

788 год	7
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	23
Глава четвёртая	29
Глава пятая	40
Глава шестая	47
Глава седьмая	51
Глава восьмая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сергей Самаров
Последний день Славена. След
Сокола. Книга вторая. Том первый

© Самаров Сергей Васильевич, 2014

* * *

788 год

*...Если ты любишь вольную птицу,
если ты любишь чистое небо –
то и через много-много лет
ты сможешь увидеть в этом небе
след той птицы...*

...Если ты любишь Родину...

Вторая книга серии «След Сокола» рассказывает об отношениях между двумя славянскими князьями – Годославом и Гостомыслом. Первого, старшего по возрасту, история называет отцом будущего основателя династии русских князей и царей Рюрика, второго же, младшего, в рукописях называют дедом Рюрика. Каждая из этих исторических личностей известна по-своему, но, не будь между двумя князьями дружбы, история России, возможно, предстала бы иначе...

Наряду с известными по первой книге цикла героями, такими, как король франков Карл Великий и его ближайшее окружение, помощники Годослава, князь-воевода Дразко и волхв Ставр с подчинёнными ему разведчиками, читатель познакомится и с новыми героями, восточными и западными славянами, такими, как отец Гостомысла неукротимый князь Буривой, варяжский князь Войномир, будущий князь острова Рюян и Поморского княжества, впоследствии один из лучших полководцев Карла Великого, покоритель грозных аваров, и с другими.

Хронологически действие происходит через три с половиной года после событий первой книги. Карл Великий сначала окончательно присоединил к своему королевству Баварию, а потом, прежде, чем вступить в серьёзную, на его взгляд, и долговременную войну против постоянной угрозы для всей Европы с юго-востока – Аварского каганата, решил обеспечить себе спокойствие в тылах. Для этого Карлу было необходимо окончательно усмирить ненадёжную Саксонию, и покончить с княжеством вагров, в котором правил князь Бравлин Второй.

Но, чувствуя устремления Карла, поднимала голову и обеспокоенная Византия. Византии много неприятностей доставлял Аварский Каганат, висевший над северными греческими провинциями постоянной угрозой. Тем не менее, если сменить одного опасного соседа на другого, не просто опасного, но и страшного своей силой, упорством и организованностью – на королевство франков, угроза станет стократ сильнее... Это в Константинополе прекрасно понимали...

Глава первая

Левый, глубокий и более быстрый рукав реки там, где она огибает Кукушкин остров, как словене звали по-своему остров Кекки-саари, в эту необычайно мягкую и позднюю для здешних мест зиму почти не промёрз, и изобиловал неширокими, но опасными полыньями. Словене построили на острове крепость Карелу и город Бьярму, ставшую новой столицей отвоёванной у варягов-русов¹ земли Бьярмии². Но именно с этой стороны, через левый рукав, по льду шла главная дорога к обитым металлическими полосами крепким крепостным воротам. Только лишь по ночам полыньи время от времени лёгким морозцем вроде бы и накрепко схватывались, но к полудню опять оттаивали. Но ночью же ветер, по ледяному простору всегда гуляющий непрерывно, заносил свежий ледок позёмкой, и горе тому, кто, не зная дороги, решится двинуться к крепостным подъездам и стенам. По добромуту-то, стоило и вешки заметные выставить, цветными крашеными снопами их разукрасить, как обычно делается и у словен, и у варягов-русов, чтобы путь обозначить, но князь Буриной, обдумывая какие-то собственные замыслы, и собираясь их в жизнь притворить, пока категорически запретил и крепостной страже, и горожанам это делать. Если прибывал обоз в крепость или в город, сопровождавшие обоз дружинники громко трубили в берестяные рожки, подавая ведомый страже сигнал, и к ним отправляли в провожатые ледового смотрителя, который знал каждую полынью нынешней зимы, и умел найти обход.

Как оказалось, князь, зная, что варяги ко всему готовы, опасался не зря...

На десятый день овсеня³, когда Китоврас, по преданию, украл для Месяца по его приказу жену Хорса Зарю-Зареницу⁴, в особо чёрную ночь накануне новолуния⁵, привратная стража подняла тревогу от невнятного, но тревожного шума, идущего с реки. Такой шум хорошего не предвещает, но неприятности принести в состоянии большие. Потому причину выяснили спешно. Сразу поставили на длинные лыжи, способные полынью перекрыть, и не дать провалиться, и выслали на реку троих воев во главе с опытным разведчиком-десятником. А для пущей безопасности ещё и в руки им сунули длинные шесты. Обычно вои пользуются лыжами короткими и привычными, удобными для хождения по лесу и по склонам многочисленных здесь оврагов. На таких не бегают, а просто ступают. Но по ночному льду без длинных

---

¹ Отождествление варягов с норманнами произошло по вине немца, не знающего русского языка, тем не менее, ставшего академиком Санкт-Петербургской академии наук – Теофила Зигфрида Байера (1694–1738), основателя норманистской теории в русской истории. Между тем русские исследователи, в том числе и М. Ломоносов, считают, что для такого отождествления нет никаких оснований. Варяги – это часть славянского племени руссов, основным промыслом которых было солеварение. Соль варили именно варяги, и в разные страны отправляли свои караваны. И рукавица, которой с помощью шеста мешали отвар, называлась варежка. Автор поддерживает эту же концепцию.

² Кекки-саари – карело-финское название Кукушкиного острова; крепость Карела, согласно древнерусским рукописям из архива Татищева, была построена словенами на острове между двумя рукавами впадающей в Ладогу реки Вуоксы, рядом со столицей края городом Бьярма, впоследствии крепость была захвачена шведами и переименована в Кексгольм. Ныне это город Приозёрск в Ленинградской области; Бьярмия – обширный и богатый край к северу и к востоку от словенских земель, от этого названия произошло название современной столицы этого края города Перми, хотя сейчас Пермь относится совсем к другому региону – к Уралу. Но вызывает удивление, как далеко распространяли свое влияние раннесредневековые славянские города-государства. (Автор умышленно избегает использования понятия «древнерусские», потому что рассказывает о событиях, которые в Европе однозначно трактуются, как время раннего средневековья, а к Древнему миру относятся дремучие времена Древней Греции и Древнего Рима, когда человечество еще стояло у истоков создания цивилизации. И называть период, о котором идет в романе речь, древним, значит, унижать своих предков.) И это при полном отсутствии дорог и других средств коммуникации.

³ Десятый день овсеня по ведическому календарю соответствует тридцатому ноября. Обычно в северных широтах это уже считается зимой.

⁴ Эпизод из ведических мифов, соответствует у славян окончанию сезона осенних свадеб.

⁵ Два дня накануне новолуния и два дня после новолуния луну на небе не видно. Эти дни у греков называются днями Гекаты. Славянское название этих дней до нас не дошло. В этот период обретают особую мощь силы зла.

лыжин и шестов в такую пору не устоявшейся зимы ходить попросту опасно. Отряд разведки и числом невелик и на ногу лёгок, скоро обернулся, и десятник, дымя потным паром, торопливо доложил, что они увидели. И тотчас к реке вышло уже три десятка оружейной охраны вместе с десятком стрельцов, одновременно побежал посыльный к князю, чтобы не заставлять того, не здорового, самого выходить к воротам. Княжеский терем с постовой сторожкой почти рядом. Через небольшую бревенчатую площадь перейти, и все звуки, издаваемые охраной, до терема доносятся явственно.

Буривой шум, должно быть, и вправду услышал загодя, потому что спал, как говорили, последнее время плохо – боли донимали, и встретил посыльного в дверном проёме, закрывая необъятными своими плечищами весь проход. Сам роста чуть выше среднего, но такой необъятно широкий и мощный, что выглядел великаном.

Со спины князя освещало только пламя, играющее в устье раскрытой печи – Буривой любил долгими зимними ночами на пламя смотреть, и красный играющий свет чётко обрисовывал его почти квадратный силуэт.

– Что там? – Буривой даже шагнул вперёд, словно собрался уже, не надев своей знаменитой большущей шапки из шкуры лохматого ошкуя⁶, к воротам двинуться.

Посыльный довольно переступил с ноги на ногу.

– Сирнане⁷, княже. Оружные. Лоси в полынью угодили. Лёд волосатым брюхом ломают...

– Много?

– Десятка с два будет... Разведка, небось... Хотели, должно, в обход нас к городским воротам пробраться... Лоси-то их по косому льду без подков проходят...

Сирнане народ зверовой, и с любой животиной ладят. И, в отличие от славян, всегда предпочитают лошади верхового лося. Лось не так быстр в дороге, не так неутомим в дальнем пути, но лучше ходит по глубокому снегу и, что ещё важнее, в бою сам всегда, как добрый вой, участвует. Рогами своего всадника, как щитом, и от меча, и от стрелы, защищает, да ещё, порой, специальный щит на рогах носит, и чужого конника вместе с лошастью, всем своим весом ударив, напрочь валит. Дикой ярости лесному великану не занимать. А уж копытами бьёт, никто встать перед ним не пожелает. И щит не спасёт⁸...

– Разведка, значит... – задумался князь.

В этот раз, если посыльный прав, лосиную разведку послали потому, что князь Буривой загодя приказал на зиму все подходы к городу от реки водой под уклон залить так, чтобы оставалась только косая покатая поверхность, и оставить для ходелков только один путь, через крепость. Что пешему, что коню, даже подкованному, по покатоному льду не пройти. А вот лось со своими широкими копытами, если не торопясь и с натугой, то вполне, надо думать, и сможет. Варяги искали пути подхода к городу и крепости.

В начале войны сирнане словен с добром и с силами поддерживали. И продуктовые обозы слали, и воями в схватках помогали, и разведчиками слыли лучшими, чем в любом войске сыщешь – оно и понятно, зверовики⁹ – где ползком, где и бегом, и незаметно для постороннего глаза ходят. Но потом, когда варяги-русы, собрав силы с разных концов, на Кумени-реке наголову разбили войско Буривова, переметнулись на противоположную сторону, и теперь помогают варягам со всем своим природным усердием. Понять сирнан можно, и обвинять в неверности трудно – какая уж тут верность или неверность... Кому? Они платят дань тому, кто в этой войне победит, а кто победит – это для них не так и важно, потому как платить всё одно приходится. А берут что одни, что другие – всё больше и больше. Долго Буривой побеждал, они ему пла-

---

⁶ Ошкуй – древнее славянское название белого медведя.

⁷ Сирнане – то же самое, что зыряне, то есть, объединяющее название народов коми и пермяков.

⁸ Лоси, в отличие от лошадей, лягаются не задними, а передними копытами. Известны случаи, когда лось ударом переднего копыта в лоб убивал медведя.

⁹ Зверовики – охотники.

тили и ему служили. Отвернулись от словенского князя спехи¹⁰, отвернулись и сирнани, всегда к движению спехов чуткие, и свою выгоду соблюдающие. Молодой варяжский князь Войномир, возносящий дары Родомыслу¹¹, показался им более способным к тому, чтобы править страной завтра, чем часто непонятный и необузданный Буривой. Правда, власти у молодого князя перед другими варяжскими князьями было не слишком много, но он с каждым днём забирал её всё больше и больше, потому что его дружина считалась среди варягов лучшей. Поговаривали, что и в самой Русе он имеет уже немалое влияние, и собирается в будущем и Русу к рукам прибрать, чтобы объединить всех варягов-русов под одним щитом. Естественно, своим...

* * *

Посыльный от крепостных ворот ногами перебирать перестал, и застыл, ожидая, когда Буривой примет какое-то решение.

– Беги, передай... Непременно пленника захватите... – распорядился Буривой. – Лучше двух или трёх, и чтоб они промеж себя сговориться не успели, проследите... И ко мне их сразу... Здесь и оттают...

Он шагнул за порог, и посыльный, собравшийся уже перебежать площадь, чтобы вернуться к воротам, заметил, что князь опять сильно хромает. Минувшей сухой и тёплой осенью, как раз в самую пору разноцветного листопада, в бою за маленькую крепостицу-острог, принадлежавшую сирнанам-охотникам из влиятельного княжеского рода Турусканы, сразу три варяжских стрелы попали Буривою в бедро, одна рядом с другой, словно кто-то специально так стрелял. Большую бедренную кровяную жилу калёные наконечники не задели, иначе князь не выжил бы, но серьёзно раздробили кость. Нога срослась, хотя и не так быстро, как Буривою хотелось, но порой рана, когда Мара¹² снова поворачивала к князю своё чёрное лицо, начинала гноиться и болеть. Тогда Буривой, измученный невзмой, бывал особенно зол и неистов. Сердился на себя, а доставалось многим – и людям и зверям. За памятью ходить не далеко... Вот только полторы недели назад, когда, на пиру в честь новой свадьбы старшего сына Буривой, двадцатисемилетнего княжича Гостомысла, первая жена которого умерла год тому как, привели для любимой забавы князя недавно поднятого с берлоги и пойманного в цепяную сеть живого ведающего мёд¹³, князь, в этот день страдающий от раны и оттого смотрящий недобро, вышел, как обычно, к дикому зверю сам. Без оружия, как выходил всегда, но сильно при этом прихрамывая. И хромоту заметили все. Служки отпустили цепи, и бросились врассыпную такой опрометью, что только пятки засверкали. А зверь взревел от недавних оскорблений силы так, что у гостей волосы под шапками зашевелились, встал на задние лапы, и, ни мгновения не сомневаясь, стремительно пошёл прямо на князя, стоящего перед ним, выставив вперёд здоровую левую ногу, и слегка присев на раненую правую. Буривой ждал удобного момента, рассчитывал расстояние, и только в самый последний миг сам шагнул вперёд. И одним ударом тяжёлого кулака в грудь он убил матёрого зверя. Гости свадебного пира и ахнуть не успели, как из горла ведмедя потоком хлынула кровь, и сам лохматый увалень свалился к князю

---

¹⁰ Спехи – духи, помогающие человеческим делам.

¹¹ Войномир – князь варягов-русов, как и словенские князья, историческое лицо, участвовал в походе Карла Великого против аварского каганата, и заслужил в средневековых рукописных источниках высокую оценку своим полководческим талантам. Родомысл – бог мудрости, благих советов, дающий красноречие и направляющий к правильным поступкам. «Возносящий дары Родомыслу» – умный.

¹² Мара – богиня болезни и смерти.

¹³ Ведающий мёд – ведмедь. К сожалению, до нас не дошло в первооснове славянское слово, которым именовали медведя. Произошло это потому, что славяне предпочитали не называть его своим именем, чтобы не привлечь зверя к себе, и звали иносказательно – «хозяин», «ведмедь», «медведь» – мёд ведающий. Кстати, то же самое произошло и в языках многих северных и таёжных народов, населяющих современную Россию.

под ноги. Но, по правде, никто этому не удивился. Не впервой словенам наблюдать примерную картину. От такого удара, как знали те, кто тушу потом разделявал, у ведмедя лопается сердце. И только одна Прилюда, молодая жена молодого княжича, испугалась, всплеснула руками так, что зерно с её головы посыпалось¹⁴, и громким шёпотом спросила Гостомысла:

– А ежели человека так?

– И человека... Так же... – ответил княжич твёрдо, потому что не однажды видел, как тяжёлая рука отца, оружная или даже нет, обрушивается на врага. И не видел ни разу воя, даже самого крепкого, который бы после полновесного удара князя остался в живых. Нечеловеческая сила Буривого равнялась его необузданной ярости, и не имела измерения человеческим умом. Хотя сам отец всегда мудро говорил, что надо бить не только сильно. Таких, кто сильно бить может, – множество. Необходимо точно знать, куда бить следует. Он и сыновей этому учил. Чтобы хорошо знали, куда бить, и как бить... И человека, и зверя, и дружину врага...

С тех пор молодая княжна смотрит на приобретённого родителя с нескрываемым страхом, и в его присутствии слова молвить не смеет, словно у неё язык отнимается. Краснеет, глаза долу опускает, и молчит, не решаясь ответить, даже если сам князь у неё что-то спрашивает. Буривой над этим посмеивается...

* * *

– Гостомысла позови. Пусть поторопится...

Буривой послал дворового человека за старшим сыном, и, дожидаясь его, остановился у окна, оперевшись рукой на тонко рубленый внутренний оклад, плотно подбитый по щелям и краям высушенным и скрученным жгутом мхом, чтобы в зимнюю стужу с улицы не поддувало, и в морозные ночи из горницы тепло не вытягивало. Само окно было туго затянуто двойным – для зимы! – слоем бычьего пузыря, который здесь, в крепости, как, впрочем, и в самом городе Бьярме, использовали пока ещё вместо стекла. Молод город, как молода крепость, и стекло сюда пока ещё не возят. Будут дела идти хорошо, из Славена доставят. Но пока дела идут не хорошо, хотя сказать, что они совсем уж безнадежны, тоже нельзя. Сколько раз такое бывало, что Доля¹⁵, казалось, совсем отвернулась от Буривого, но он и тогда руки и голову в покорности не опускал, а потом, как-то вдруг, неожиданно, в награду за ожидания и веру, Доля возвращалась вместе с победой, и озаряла своей улыбкой...

Буривой смотрел сквозь мутную плёнку за тёмное окно. Даже днём здесь ничего толком не увидишь. Так, смутные какие-то фигуры. А уж ночью-то и подавно – разве что свет горящего факела в чьей-то руке. Но князь и не пытался что-то выглядеть. Просто смотрел, как смотрел бы в стену, и думал о своём. А подумать было о чём...

Если появились сирнаны, если появились они вот так вот, ночью, втайне, не покружив предварительно по окрестным дорогам и тропинкам, высматривая и вынюхивая, что в крепости делается, значит, варяги уже точно знают, где искать Буривого. И хотят решить исход длительной борьбы зимой, а не летом, в пору открытых дорог, как бывает обычно. Летом все воевать умеют. А вот зимой рататься¹⁶ – дело иное, и варяги – из общего правила не исключение, но сейчас, похоже, они решились. Раньше бы, ещё полгода назад, Буривой, до любой драки люто жадный, сам со смехом вышел бы врагу навстречу, нацепив свою лохматую белую шапку поверх шлема. И хоть на льду, хоть в лесу, хоть в поле решить спорный вопрос быстрее и полностью, на свою отвагу и удачу положившись. Сейчас он не выйдет. Дружина слишком мала, раненых и увечных отправить в Славен не успели, как не успели привести им замену. С такой

---

¹⁴ По славянскому обычаю голову невесты на свадьбе посыпают зерном, олицетворяющим плодородность.

¹⁵ Доля – богиня удачи.

¹⁶ Рататься – биться, воевать, водить рати.

дружиной можно только стены сохранить, но не в поле биться – это дела, как любой простой вой знает, совершенно разные. Здесь, после мучительного и длительного процесса выбора, разум князя и правителя брал верх над характером прирождённого несдержанного и лютого бойца, и подсказывал правильное решение.

Но скоро что-то делать всё равно придётся. И положение словенского княжества сейчас тяжёлое. Такое тяжёлое, что впору помощи у кого-то просить, что вообще-то совсем не в нраве князя. Он сам, бывало, раздавал помощь то направо, то налево, отсылая с сыновьями малые дружины и в ближние княжества, и даже в дальние. К кривичам в Смоленск, когда тех свеи¹⁷ одолевать стали, чуть не половину дружины с сыном Володиславом отправлял. Тот же Гостомysl дважды ходил в даль дальнюю с помощью к князю бодричей Годославу. И чуть дальше тоже он ходил – к ваграм, которые во главе со своим князем Бравлином Вторым¹⁸ крепко бились с франками за свои города и земли. Вагры словенам близкие родственники, ближе, чем бодричи. Бравлина попросить было бы не зазорно, он книжный, умный, и всё поймёт. Но старый князь, как доносит молва, сам еле-еле держится против франков и всегда досаждающих ему диких саксов. И Дания, в былые времена союзник постоянный, сейчас на Бравлина смотрит косо, прекрасно понимая безнадёжность положения маленького княжества, и не рискуя из-за этого ввязаться в непредсказуемую войну с Карлом Каролингом Великим...

И у Годослава просить помощи – тоже не с руки. Если вагры – близкая родня словен, то русы – близкие родичи бодричей. И не только близкие родственники, но ещё и младшие родственники, то есть, зависимые по традиции от воли Годослава, подчиняющиеся ему, как старшему по роду. На деле-то получилось почти так, что, отобрав несколько лет назад Бьярмию у варягов-русов, Буривой отобрал её, по сути дела, у Годослава. Хотя, и это не совсем верно...

Столица рассветных русов лежит совсем рядом со Славеном – только переплыть Ильмень-море¹⁹, и окажешься в гостях у русов, которых зовут варягами за то, что они соль там варят. И речка у них протекает Варяжка. И город их, Руса, построен одновременно со Славеном. И строили себе города два брата – Словен и Рус. Кто же знал тогда, что потомки братьев будут враждовать друг с другом²⁰. Но русы не все называются варягами. Их племена разбросаны по многим славянским землям. Даже в Киеве именно они теперь сидят²¹. И уже много веков, как говорят старые сказители. Но те русы – соль не варят, и потому они не варяги. А часть варягов, на деле не отделившись от Русы, но ей, по сути, не подчиняясь, расселялась на восход

¹⁷ Свеи – шведы.

¹⁸ Князь Бравлин Второй, правитель княжества вагров со столицей в Старгороде. Долгое время выдерживал борьбу против Карла Великого и живущих поблизости саксов. Известен по средневековым хроникам, как пресвященный правитель, книжник, покровитель ремёсел и искусств.

¹⁹ Ильмень-море – озеро Ильмень, по оценкам современных гидрогеологов, имело значительно более высокий уровень, нежели сейчас, и, согласно некоторым летописным источникам, называлось морем. Вероятно допустить, что не Балтийское море называлось новгородцами Варяжским, а именно озеро Ильмень (по версии действительного члена Фарерской академии наук и литературы Генриха Анохина), поскольку варяжским промыслом занимались именно жители Русы.

²⁰ Согласно древнерусской рукописи «Сказание о Славене и Русе», города Славен (ныне Великий Новгород) и Руса (ныне – Старая Русса) основаны в 3099 году от сотворения мира, то есть, в 2409 году до н. э. В настоящее время практически все события, указанные в «Сказании о Славене и Русе» нашли многочисленные подтверждения в византийских, европейских и арабских источниках. Благодаря стараниям ярого сторонника «норманистской» теории в истории Руси Карамзина, бесосновательно утверждающего, что эта рукопись фальшивка, она была на долгое время забыта. Другой историк, почти современник Карамзина, обрусевший немец Егор Классен, большой русский патриот, чем потомок татарского «Черного Мурзы» Карамзин, справедливо упрекает классика русской истории в подтасовке фактов.

²¹ В 370 году на земли полян и южных русов пришло большое несчастье – нашествие «бесчисленного множества гуннской конницы» во главе с Атиллой. Основная масса русов отошла с низовий Волги и верхнего Дона севернее, где сконцентрировалась у стен недавно восстановленной после готского нашествия крепости Воронежца. Атилла послал в преследование русов стотысячное войско, состоящее не только из гуннов, но и из покорённых готов и ясов. Русы полностью уничтожили гуннскую армию, и выступили от Воронежца в помощь полянам. Но было уже поздно. Полян Атилла разбил, и значительную их часть увёл с собой в Европу составной частью своего войска, как он делал обычно со всеми покорёнными народами. Поселившись вместе с остатками полян, русы дали полянам своё имя. У Нестора это звучит так: «Поляне, ныне зовома Русь».

и на полночь²², и захватила Бьярмию. И князя русов-варягов, сохраняя своё название и всё же полностью не разрывая связей с Русой, уже жили своей жизнью, и собирали с сирнан дань не своей столице, а себе, на свои нужды, и потому в Русе ими тоже не слишком довольны. Князь русов Здравень больше привык о городе заботиться, чем о тех, кто в стороне живёт. У этих-то полуотделившихся варягов Буриной, после нескольких лет ожесточённой войны, то затихающей, то вновь вспыхивающей, и отобрал новую страну. И разберись теперь, ущемил он права Годослава или нет. Как Годослав на эту войну посмотрит?.. Захочет ли вмешиваться в дела восточных братьев?.. Как посмотрит на то, что лучший полководец варягов молодой князь Войномир приходится Годославу племянником?..

Иначе дело обернись, можно было бы Гостомысла с малым посольством отрядить – старшего сына, имеющего право отвечать за любые дела по-княжески, как наследник словенского стола может²³. Гостомысл с Годославом дружен, и сумеет договориться. И сам он уже несколько раз напоминал отцу про своего друга, который, возможно, сможет помочь, потому что, по слухам, с королём франков Годослав сдружился, а король сейчас близко, и потому саксы и даны не слишком бодричам досаждают. Гостомысл хотел послом поехать. Но, чтобы договариваться, необходимо знать, как сам Годослав на дело смотрит. А как узнаешь, пока не съездишь... Выходит, коло²⁴ замыкается... И что-то следует предпринимать как можно быстрее, потому что любая нерешительность ведёт к поражению и к потере всего, за что столько лет боролся. Да и совсем не в характере Буриной нерешительность проявлять. Он, скорее, склонен проявлять решительность, не подумав о последствиях, и в этом его обычная беда. А Гостомысл, в отличие от отца, думать о последствиях умеет. В мать характером и головой уродился...

Но не очень хочется в такой трудный момент старшего сына надолго от себя отпустить. Мало ли что с самим Буриной случиться может... Кто тогда заменит? Только старший сын... И ещё... Двух недель после свадьбы не прошло... С супружеского ложа поднимать сына для дальнего пути тоже не очень хочется... Буриной по себе знал, что такое супружеская жизнь, и если боялся в своей жизни хоть одного человека, то этим человеком была его единственная жена, которой стоило только брови на переносице свести, как вся ярость князя испарялась, будто пар из открытого котла, и сам он становился мягким и смущённо улыбающимся.

Впрочем, если Гостомысл сам желает ехать, он имеет такое право. Запретить-то отец может, только надо ли запрещать... Наследник стола... Пора приучаться к самостоятельным и важным решениям...

Правда, это только теперь, и совсем, кажется, недавно, к общему горю, Гостомысл стал старшим сыном и наследником, потому что два старших его брата, нравом с отцом сходные, не терпящие над собой иной управы, кроме отцовской руки и материнского взгляда, головы сложили, как и подобает добрым воям, не на постелях. Самый старший, даже лицом на отца похожий дюже, Володислав, охраняя словенские рубежи на закате, близ земель необузданных и неукротимых ливов²⁵, не допустил в свои земли свеев, которые хотели по самой граничной реке пройти в глубину словенских территорий, чтобы оттуда ударить одновременно с другим отрядом, с полуночи пришедшим. Володислав тогда не пожелал дожидаться идущего к нему на выручку Буриной. Не совладал, как случается, с душевным кипением. Это кипение, так яростно клокочущее в груди, что дышать бывает трудно, хорошо знакомо и самому отцу. Володислав врагов даже считать не стал, просто напал на свеев, которых оказалось в три раза больше, чем молодых и малоопытных дружинников конного полка княжича, оказавше-

---

²² На восток и на север.

²³ Официально князь у словен выбирался вече сроком на десять лет. Но в рукописях ни разу со времён основателя города князя Славена не упоминается случая, чтобы вече нарушило преемственность княжеской власти. Старший сын воспитывался, как наследник, и наследовал отцу.

²⁴ Коло – круг.

²⁵ Ливы – литовцы.

гося к тому же так не вовремя без стрельцов. Если бы не подоспели с другого берега в помощь ливы, то вся рать старшего сына погибла бы вместе с ним. Ливы через два дня и передали Буривою тело, чтобы отец отвёз его в Славен и положил в подготовленную к сожжению домовину²⁶, поставленную недалеко от Перыни²⁷...

Второй сын, Всеволод, светловолосый крепыш, силой рук, пожалуй, отцу равный, погиб здесь же, в Бьярмии, только год тому как, в преддверии прошлой стужей зимы, когда окружил со своей малой молодой дружиной разведчиков варягов-русов. Но те живыми даваться и в полон пойти не пожелали. Дрались до конца, отчаянно, как дерутся они обычно, даже лёжа, после страшной раны, не опуская оружия, и каждый унёс по две жизни словенина. Варягов тогда всё же одолели, но одним из первых в краткосрочной сече пал молодой княжич.

Всего у Буривова было четыре сына и три дочери. От двух погибших сыновей остались малолетние внуки, от живых и здравствующих дочерей – только внуки, которые по принятым законам не могли претендовать на наследие деда, если есть прямые потомки по мужской линии. Еще были два внука и две внучки – дети Гостомысла от первой жены²⁸. Самый младший из семерых детей Буривова, восемнадцатилетний Владимир²⁹, сейчас остался в Славене, и возглавляет малую оборонительную дружину, готовую отразить атаку, если варяги-русы вздумают из своей столицы Русы переправиться через Ильмень-море по льду, и напасть на Славен. Такие попытки были даже в те времена, когда Буривова почти полностью уже хозяйничал в Бьярмии, пядь за пядью отбирая у варягов богатые серебром, медью и мехами земли. Варяги-русы в Русе ничуть не лучше варягов-русов в Бьярмии. Они уважают только силу, и только силой Буривова добивался своих целей.

А цели он всегда ставил перед собой большие...

---

²⁶ Домовина, то, что сейчас называется гробом, тогда выглядела срубом без окон, в котором сжигали тело, а сверху насыпали погребальный холм, так называемую могилу. От слова «могила» произошло и современное слово «могила».

²⁷ Перынь – холм близ Славена (Великого Новгорода), где находилось главное словенское капище Перуна.

²⁸ Всего у Гостомысла было четыре сына и три дочери. Все сыновья погибли, как защитники отечества.

²⁹ Владимир – по одной версии, предположительно, дед Вадима, спорного претендента на стол новгородского княжества, который много лет спустя, при поддержке волхвов, возглавит восстание новгородцев против своего родственника Рюрика. По другой версии, Вадим был внуком Гостомысла, как и сам Рюрик, и назван был так по настоянию деда в память о своём младшем брате.

Глава вторая

В последний день долгой, утомительной, хотя и радостной дороги – а какой же ей ещё быть, когда возвращаешься со славой победителя! – мокрый снег, временами перемежающийся с ледяным дождём, прекратился, и погода встала ясная, чуть-чуть морозная, и солнце высветило. Хотя, когда городские стены уже стали отчётливо видны, откуда-то с полуночной стороны³⁰ ветер начал быстро наносить тёмные и низкие, увесистые в своём объёме тучи. А уже при приближении к городским стенам лёгкий сырой снежок, опять перепутанный с дождём, предупредил, что он, при таком устойчивом ветре, предвестник снегопада более основательного.

Но от городских ворот до места доехать не долго. Особенно, если коней подогнать...

Князь-воевода Дражко, распушив свои знаменитые усы, вошёл во Дворец Сокола³¹ так, словно он нёс на лице полковое знамя. Воеводу ещё вчера нетвёрдо предупреждали, что Годослав вроде бы намеревался выехать ему навстречу за полуденные ворота Рарога³², но Дражко так и не дождался дружественной встречи на пригородских дорогах, однако во Дворец Сокола всё же прибыл при всех регалиях, надеясь уже на положенную по случаю встречу торжественную. И даже тяжёлую, блистающую искусно вставленными драгоценными камнями золотую гривну³³ на шею надел. Король франков Карл Каролинг Великий, наслышанный о славянских наградных знаках от своего учёного друга аббата Алкуина, повелел своим мастерам-ювелирам сделать такую же, и даже обязательно более красивую, чем обычно бывает у славян. По крайней мере, если более красивая не получится, то более дорогую, чтобы отметить князя-воеводу Дражко за баварский поход, в котором доверил молодому, но уже прославленному славянскому полководцу провести самостоятельно два сражения в то время, когда сам он с основными силами королевской армии находился в стороне. И дважды против Дражко выступал сам баварский герцог Тассилон вместе с союзными ему южными соседями аварами, и оба раза герцог предпочитал спастись бегством с остатками каждой из своих армий, едва только перевес показывал, что на победу ему надеяться не следует.

Своим рыцарям за воинские успехи Карл Великий жаловал драгоценные кресты на ленте или земельные владения. Но, поскольку Дражко, в отличие от своего князя, пока ещё не принял христианство, награждать его крестом, символом своей веры, Карл не рискнул. Что же касается земельных владений, то Карл не мог распоряжаться землёй бодричей, где Дражко жил и имел собственные владения, и уж, тем более, землёй лужицких сербов, на княжеский стол которых воевода спорно претендовал. А владения внутри франкских территорий князю-воеводе были ни к чему. Впрочем, Карл сделал попытку приблизить князя-воеводу к себе, предложив ему одно из своих давно благоустроенных имений, больше напоминающих парк для отдыха и развлечения, чем что-то другое. Но эта попытка успехом не увенчалась – князь благодарно шевельнул усами, и, как Карл и предполагал, мягко, но категорично отказался...

---

³⁰ Полуночная сторона – север, полуденная сторона – юг, закатная сторона – запад, сторона восхода – восток. В конце восьмого века славяне не приняли ещё более поздние обозначения сторон света.

³¹ Дворец Сокола – так западные хронисты звали городской терем бодричских князей.

³² Полуденные ворота – южные. Рарог (Рерик, Рюрик) – столица княжества бодричей, находился неподалёку от современного Мекленбурга на территории нынешней Германии.

³³ Нашейные гривны были и мужскими и женскими, отличались формой, количеством граней, весом, наличием драгоценных камней и гравировки. Женские выполняли роль украшений, талисманов и амулетов, как правило, были «наговорены» волхвами на конкретную роль. Мужские носили наградной характер, и были впоследствии вытеснены крестами и орденами. Вытеснение произошло только с принятием славянами христианства, что в массовом насильном порядке у бодричей произошло только через несколько веков.

Эта война, принёсшая уже увенчанному славой Дражко славу новую, началась, вопреки устоявшимся привычкам Карла, не ранней весной, объявленная, как раньше бывало, ещё предыдущей осенью на малом рейхстаге³⁴, а в середине лета, без заранее составленного плана. По сути дела, эта война явилась следствием вспышки королевского гнева, чувства, которому Карл поддавался не часто. Но очень уж досадила королю баварский герцог Тассилон, заключивший против франков союз с Аварским каганатом, хотя давно уже признал себя вассалом ещё Пипина Короткого Каролинга, отца Карла. И Карл, собрав оказавшиеся поблизости не слишком большие силы, дополнительно потребовал у Годослава, согласно договору трёх-летней давности о частичной вассальной зависимости, пятитысячный полк под командованием князя-воеводы Дражко, усиленный, по обычаю князя-воеводы, сильным составом стрельцов. Одновременно обязал всегда готовых к мятежу сакских эделингов спешно выставить восьмитысячную армию, что к королевскому удовольствию добавляло спокойствия в тылах самих франков. И тут же, едва полки собрались в верховьях Майна, обрушился на Баварию неожиданно сразу по трём дорогам тремя отдельными колоннами. Такая неподготовленная заранее война могла бы не принести молниеносный успех и затянуться надолго, имея Тассилон иной нрав и иную репутацию. Но герцог слыл человеком алчным, грабящим своих баронов вместо того, чтобы заботиться о них, о чём Карл Каролинг, имеющий лучшую по тем временам в Европе разведку, хорошо был осведомлён. В итоге почти четверть подданных Тассилона в первые же дни войны присягнула Карлу, лишив герцога своего присутствия в армии и, естественно, поддержки своих полков. А главному союзнику Баварии – Аварскому каганату сильно досаждали в это время с восхода христиане-болгары, а с заката пытались отнять свои, уже потерянные, земли хорваты и сербы, и каганат не мог в полной мере, как надеялся Тассилон, оказать ему помощь. Конечно, здесь не обошлось без длинной руки франкского короля, который, если не мог помочь сербам и хорватам войсками, то помог им финансово. А болгар толкали на войну византийцы, которых, в свою очередь толкало посольство Карла Каролинга. Те незначительные второстепенные полки, что каган³⁵ всё же выслал герцогу, решающее слово сказать не могли. Не помогли баварскому герцогу и родственные отношения с тосканским герцогом Дезиреем, который в этот раз просто не решился выступить против Карла. Это произошло потому, что король франков загодя, хотя и спешно, и во многом не организованно, через своих агентов устроил смуту в землях лангобардов, подчинённых тосканскому владыке³⁶. Дезидерий жестоко подавил мятеж, Карл потерял многих потенциальных союзников, но тосканский герцог в итоге застрял на месте, ожидая новых волнений, и не поспешил на помощь Тассилону.

Тассилон на протяжении всех четырёх месяцев войны всячески избегал генерального сражения, где у него просто не могло бы быть успеха, предпочитая вместо настоящей войны только небольшие короткие схватки, которые сразу прерывал отступлением, стоило ему только убедиться в невозможности победы. Таким образом, он надеялся дотянуть до зимы, хорошо зная, что зимой королевская армия предпочитает отдыхать дома. Однако для такой затяжки времени следовало принимать и другие меры. Чтобы разорвать коммуникации армий Карла и вести борьбу на всей территории Баварии, необходимо было пользоваться всеобщей поддержкой своего народа. У Тассилона этой поддержки не было. И он терял область за областью,

---

³⁴ Карл Великий каждую осень проводил малый рейхстаг, где объявлял планы на будущее лето и давал своим баронам и военачальникам время на подготовку к будущим походам. Весной проводился большой рейхстаг, где уточнялись планы, и давался смотр войскам. И только после этого королевская армия выступала в поход, следуя составленным заранее графикам передвижения.

³⁵ Каган – титул правителя, равный титулу князя. Присутствовал и у славян. Каганом себя, в частности, называл князь Святослав.

³⁶ Лангобардия (Ломбардия) в 788 году делилась на две части, одна принадлежала Карлу, вторая тосканскому герцогу Дезирею, который тоже искал поддержки Аварского каганата против экспансии Карла Великого. Король через своих подданных лангобардов постоянно «мутил воду» в соседних лангобардских же землях, провоцируя объединение насильно разделённых родственников. Через три с половиной года Карл полностью присоединит к своему королевству всю Лангобардию.

кружил по герцогству, с трудом ускользая от основных королевских сил, а заодно и грабил собственные же селения, чем вызвал новый отток баронов из своей армии. Впрочем, селения грабил не столько он, сколько приданные ему в помощь авары, но народная молва винила во всём герцога, и это сказалося на ходе войны. Однако генеральное сражение дать всё же пришлось, когда Карл Каролинг, пользуясь преимуществом в численности, перекрыл все дороги на полдень, на восход и на закат, отрезая пути бегства. В итоге франки под командованием герцога Франсуа Анжуйского и королевского дяди монсеньора Бернара разбили основательно поредевшие войска растерянного герцога полностью, а зашедшие со стороны полки под командованием самого Карла захватили в плен и герцога Тассилона. И, после быстрого церковного суда, заточили алчного и неверного баварского правителя в монастырь. Бавария стала именоваться маркой в составе королевства франков, и править баварскими землями стали верные королю люди. Впрочем, маркграфа король туда пока еще не назначил, присматриваясь к местным баронам, и отыскивая среди них подходящего на такой значимый пост человека. Бавария велика, и управлять ей следует не простому рыцарю, умеющему держать в руках оружие, но человеку деловому и рассудительному.

И почти сразу же после этого Карл, как и обещал, отпустил Дражко домой в Рарог, поскольку оттуда поступали тревожные сообщения – на датской границе снова было неспокойно. Датский король Готфрид хорошо знал, что у Годослава нет под рукой лучшего полководца с лучшими полками, и мог этим воспользоваться...

* * *

Князь-воевода Дражко так торопился, что застал князя бодричей Годослава только-только вошедшим в парадный зал, и ещё не успевшим сесть в княжеское кресло. Бояре-советники, вызванные во Дворец Сокола для торжественного церемониала встречи, как обычно, устроились на скамьях по одесную стену от князя, но тоже ещё стояли, как и полагается, при княжеском выходе. Рядом с дубовым резным креслом Годослава, всё ещё украшенным изображениями славянских мифических существ, а вовсе не христианскими мотивами, выставили ещё одно точно такое же кресло, предназначенное для Дражко, поскольку три с половиной года назад Годослав официально назначил Дражко своим соправителем. За все прошедшие годы князь-воевода своим правом сидеть рядом с Годославом в его присутствии не воспользовался ни разу, осознавая прекрасно, что княжеский указ был только временным, и вызванным обстоятельствами действием. Сейчас же в том и другом кресле были постелены узкие цветастые хунгарские³⁷ ковры, что было равносильно приглашению к соправлению. Или хотя бы видимости такового. По крайней мере, официально всё выглядело именно так. Но сам князь Годослав и садиться сразу не стал, шагнув воеводе навстречу, широко, от всей души, улыбаясь. Однако Дражко, хорошо знающий своего двоюродного брата, сразу понял, что улыбка далась Годославу нелегко, и, хотя в её искренности сомневаться не приходилось, радость князя всё же была чем-то сильно омрачена.

Более того, за те четыре месяца, что князь-воевода был занят на чужой, совершенно не нужной бодричам войне, Годослав даже внешне сильно изменился. Собрались морщины на молодом, прежде красивом лбу, словно князь постоянно вынужден был хмуриться, и делал это так часто, что подобное выражение лица вошло у него в привычку. И не стало в глазах Годослава обычного огненного блеска – так костёр, разложенный в сухую погоду, чахнет в пору затяжного дождя. Даже львиная грива светлых волос, показалось, осела и поредела, не показывая былого гордого и воинственного нрава хозяина. Впечатление складывалось такое, будто князь Годослав начал неожиданно резко стареть.

---

³⁷ Хунгарские – венгерские.

Дражко всё же поклонился, прежде чем позволил Годославу обнять себя.

– Оставим церемонии... Я рад не тому, что ты вернулся со славой победителя, – сказал князь. – В этом, зная твои способности и отвагу, я и не сомневался ни минуты, я просто рад тому, что ты вернулся, потому что мне очень тебя не хватало. Очень!..

Годослав обычно с пренебрежением относился к традиционным церемониалам, и нарушал их всегда, когда ему хотелось чувствовать себя просто человеком и другом, а вовсе не строгим правителем. И внимания не обращал при этом ни на какие существующие правила и на постороннее отношение к этим правилам. И если раньше бояре-советники, случалось, громким шипением высказывали своё неодобрение подобному поведению, то после памятной ещё расправы над боярской оппозицией, устроенной Годославом и Дражко в период короткой войны с Данией, в которой маленькое княжество дало, стараниями князя-воеводы, мощному северному соседу достойный отпор, недовольные языки прикусили.

– Мёду князю-воеводе! – с улыбкой воскликнул Годослав, но в голосе его не было уже былой уверенности и того задора, который раньше заставлял радостно улыбаться и других. – Пусть мой брат смоет с языка дорожную пыль, хотя на дорогах сейчас грязи больше, чем пыли, но и эта грязь, как и пыль, с чужих, не нужных нам дорог, а потом расскажет нам, как обстоят дела у нашего державного сюзерена и повелителя.

И сам взял Дражко под локоть, провожая его к креслу, соседствующему со своим. И слегка сжал локоть пальцами, показывая, что всё происходящее носит особый смысл, пока воеводе не ясный. Дражко понял, и сел в кресло так, словно это его привычное место, и позволил себе ногу на ногу забросить, точно так же, как сам Годослав.

Мёд принесли на деревянном резном подносе в таком же деревянном резном кубке. Князь-воевода тут же заметил, что посуда деревянная, хотя в последнее время во Дворце Сокола привычная деревянная и берестяная посуда стала быстро меняться на европейскую серебряную, позолоченную или даже золотую. Эта регрессия уже напоминала тоску по старым добрым традициям. Тем не менее, Дражко сделал вид, что ничего не заметил, и с удовольствием опорожнил большущий кубок хмельного мёда, а потом широким торжественным движением вытер усы, как иной бы правитель надел на голову корону. Этого его знаменитого жеста все ждали, зная, что без этого жеста князь-воевода в обычной обстановке не обходится. А если жеста не видели, значит, обстановка была не из самых лучших. И он свой знаковый жест продемонстрировал.

– Рассказывай...

– А что рассказывать?.. Повоевали слегка... – Дражко пошевелил усами, как другой сделал бы неопределённый жест руками. – Побили того самого злодея Тассилона. Знатно побили, Каролинг вельми доволен остался. Теперь Тассилон проведет остаток своих дней в монастырской подземной келье, откуда живому, говорят, выхода нет.

И посмотрел внешне невнимательно, тем не менее, вполне оценивая ситуацию, на бояр-советников, потому что представление, затеянное Годославом, несомненно разыгрывалось только для них. И сразу отметил, что теперь многие из советников носят на груди, выпячивая её всему честному народу, громадные золотые кресты, ничуть не уступающие по размерам крестам высокопоставленных церковных служителей, которых во франкском войске достаточно. Это было уже новостью, так как раньше только трое бояр были крещёными христианами, остальные же предпочитали придерживаться веры предков, хотя кое-кто, в угоду сильному северному соседу, на всякий случай и Одину³⁸ дары слал. Более того, сам Годослав, приняв крещение, крест на грудь надевал только по торжественным случаям, скажем, когда доводилось принимать послов Карла или же послов своего родственника датского короля Готфрида Скьёлдунга. Или как сейчас, при парадном выходе. Да и то крест этот был серебряным,

---

³⁸ Один – верховный бог скандинавского пантеона, соответствует германскому Вотану. Одину поклонялись датчане (даны).

и по размеру небольшим, скромно узоренным. В другое же время князь не носил крест даже под одеждой, и не часто посещал молельню, устроенную и оборудованную аббатом Феофаном³⁹ в его покоях. Сам аббат Феофан присутствовал здесь же, ближе бояр, устроив для себя маленькую отдельную скамеечку, на которой с трудом помещалось его тучное тело. И позволял себе не вставать при появлении князя. На коленях аббат держал богато изукрашенный бисером реликтарий⁴⁰, с которым никогда не расставался. Плохо зная славянский язык и даже не желая его изучать, ничего не понимая в сказанном, он всё же считал нужным присутствовать на всяком торжественном действии в столице бодричей, если князь Годослав принимал в нём участие. Исключение составляли праздники ведических богов, но в них теперь и князь, как христианин, принимать участие права не имел. И аббат тщательно следил в такие дни за князем. Рядом с аббатом, но ближе к князю бодричей, на отдельной скамье, сидел князь Додон, ровесник Годослава и его дальний родственник по отцовской линии, следовательно, Дражко он родственником не был, поскольку только мать Дражко была родной сестрой матери Годослава, и другие узы их не связывали. Князь Додон тоже носил на груди крест, только не такой богатый, как у бояр. Он всегда отличался хорошим вкусом и в одежде, и в украшениях, и в знаках отличия. Но христианство Додона уже не было для Дражко секретом, поскольку князь несколько лет жил в Византии, крестился там, и его христианская вера несколько отличалась от веры франков, признающих главенство не константинопольского патриарха, а Римского Папы.

– В общих чертах это нам всё уже известно, – мягко сказал Годослав, глядя на Дражко. – Известно и то, как ты зарекомендовал себя. Но хотелось бы знать подробности. Например, расскажи-ка, что представляют собой баварцы и авары, каковы они в бою... Есть у них, чему поучиться? И как они между собой взаимодействовали. Ведь баварцы – давние христиане, а авары – огнепоклонники⁴¹. Не было у них на этой почве разногласий? – Годослав, словно бы специально, подводил князя-воеводу к какому-то непонятному пока направлению в разговоре. И Дражко старался попасть в нужное русло, хотя не понял ещё, куда его выведет течение.

– Есть чему поучиться... – согласился Дражко. – Баварцы – обыкновенные германцы, только слишком любящие утяжелять себя доспехами. В сече дюже неповоротливые, и потому частенько битые... А у аваров, когда они действуют самостоятельно, поучиться, скажу честно, есть, чему...

– Ну-ну, мы слушаем тебя... – Годослав проявил нетерпение, из чего князь-воевода понял, что здесь ему следует быть кратким, потому что вскоре уже разговор перейдёт на другую тему, и продолжится потом, но, скорее всего, будет происходить уже без присутствия бояр.

– Мне пришлось дважды встретиться на поле с Тассилоном. Герцог выставляет вперёд конных рыцарей, на манер сарматских катафорактариев⁴², за ними тяжёлую пехоту, которая обычно за рыцарями не успевает. Если те и разорвут строй противника, пока пехота добьёт, рыцарей перебьют, и строй сомкнётся. В этом случае надо или пехоту иметь полегче, или рыцарей побольше. Но Баварец исходил из своих возможностей, потому что многие его бароны перешли к Карлу, ослабив ударную силу, а переучиваться Тассилон не умеет. Глуп

---

³⁹ Аббат Феофан – герой первой книги, где он присутствует ещё только монахом Феофаном, человеком, умеющим выпить вина больше, чем может в человека поместиться, и победителем Хаммабургского турнира среди бойцов на дубинках.

⁴⁰ Реликтарий – сумка для хранения и переноски ценных вещей или бумаг, прообраз портфеля делового человека.

⁴¹ Хотя многие средневековые рукописи называют аваров огнепоклонниками, они всё же были идолопоклонниками, а огонь, как и славяне, считали священным существом, равным своим богам, но более близким к людям. Известный обряд прохождения между двух костров означал очищение от дурных замыслов. Этот обряд даже после принятия магометанства был присущ татаро-монголам. Но средневековые хронисты благодаря этому обряду ошибочно называли аваров огнепоклонниками.

⁴² Ударная сила сарматской конницы – тяжёловооружённые катафорактарии, воины с необычайно длинными пиками, сидящие в сёдлах, как говорили античные писатели, как статуи, атакующие плотным строем, удар которого невозможно было выдержать. Именно благодаря катафорактариям сарматский царь Гатал Великий в 179 году до н. э. полностью разбил и изгнал со своих земель на Волге и на Дону скифов. А потом остановил и нашествие римских легионов. Бодричи считали себя дальними потомками сарматов, и потому хорошо знали сарматскую военную историю.

зело... Впрочем, поговаривали, что герцог делал так специально, чтобы уменьшить количество баронов. После их смерти он имел обыкновение присваивать имущество подданных. Но, может быть, это простые сплетни, идущие от тех же баронов, что перешли на сторону Карла, надеясь получить от него какие-то блага или посты в новой Баварии, уже без Тассилона.

– И получили? – спросил Годослав, и по тону его вопроса Дражко сразу понял, что здесь-то и скрывается главная тема.

– Получили... Если бы так... Получили только благодарность... Карл, после суда над герцогом, раздал все должности своим верным и проверенным людям. Он всегда предпочитает полагаться на проверенных. Говорит, что должность следует заслужить. Только маркграфа Баварии еще не назначил.

Князь-воевода понял, что своим ответом попал в точку. Глаза Годослава смотрели спокойно и уверенно. Значит, вопрос предназначался для бояр, на надёжность которых положиться никогда нельзя. И потому продолжил в том же ключе:

– Кроме того, Каролинг, по природе своей человек порядочный и благородный, весьма не любит предателей. Он справедливо считает, что предавший однажды, предаст и в следующий раз. Как предали своего правителя, так предадут и его. И никогда не доверяет перебежчикам. Они для него считаются людьми низкими.

– И правильно, – согласился Годослав, улыбнувшись. – Предателей и предательство следует рубить на корню, топором палача... Ну, а дальше... Что там ты хотел сказать про аваров?

– Да... Авары... Аварскую лёгкую конницу Тассилон в каждом сражении использовал одинаково. Пускал двумя широкими крыльями в обхват флангов. На большее у него, видимо, не хватало фантазии и дара военачальника, а к такой тактике приспособиться легко, поскольку это классика прошлых веков. Тем более, что она всем полководцам Карла хорошо известна.

– И что же ты Тассилону противопоставил? Насколько я понимаю, твоя тактика несколько отличается от привычной тактики франков. Не зря же ты взял с собой столько стрельцов...

– Конечно, мой князь, не зря... Я делал всё просто... Если Тассилон исходил из своей возможности, то я исходил из своей. Каролинг усилил мой полк отрядами тяжёлых щитоносцев, чтобы они сдерживали натиск рыцарской конницы герцога, и саксами эделинга Аббио...

– Вот как, – удивился Годослав. – Аббио был там, с тобой рядом?

– Да... С ним мы посоветовались, и пришли к мысли, что саксы в бою очень неуступчивы и вязки... И тяжёлой коннице легче увязнуть в пешем маневренном строю, ворвавшись в него, чем расколоться о ряды щитоносцев, которых тоже не слишком много, чтобы стать решающей силой.

– То есть, рекомендациями Карла ты пренебрёг? – Годослав посмотрел на Дражко внимательно. Но он сам слишком хорошо знал своего князя-воеводу, чтобы думать, будто тот будет считаться с чужим мнением, когда имеет своё, и потому ответ знал заранее. Но князю было важно, чтобы все услышали то, что он сам желал бы услышать. И князь-воевода всё понял по одному взгляду, и Годослава не подвёл.

– Карл был ко мне милостив, ему самому интересно было изучать нашу тактику, и потому он позволил мне воевать по-своему, я по-своему и воевал... За что и получил в награду от Каролинга вот эту гривну... – Дражко взялся сильной кистью за золотое украшение-награду, словно за рукоятку меча, и потряс ею, чтобы было видно всем.

– А эделинг Аббио не был против? Его саксам, в соответствии с твоей тактикой, предстояло принять на себя главный удар...

– Его саксы стояли рядом с нашими бодричами во втором ряду...

– А в первом?

Дражко даже усами возмущённо пошевелил – как можно не понять, кто стоял в первом!

– А в первом, естественно, стояли стрельцы...

– Так я и думал! – Годослав даже радостно и звучно ударил себя по коленке ладонью. – С удовольствием бы полюбовался картиной происшедшего! И что?

Дражко опять пошевелил усами. Теперь уже воинственно.

– Я расскажу по порядку... Если бы мы выставили вперёд щитоносцев, то оставили бы фланги уязвимыми для аварской конницы, вообще не вступающей в сечу...

– Конница не вступает в сечу? Как так? Зачем тогда она вообще нужна? – не понял Годослав.

– А вот так, княже... Это как раз и есть то, чему нашим полкам следует подучиться, когда нам противостоят численно более сильные армии. Конники обстреливают противника из луков, и не подходят на дистанцию копейного, и уж, тем более, мечного боя. Они не любят сечу, потому что в большинстве своём носят кожаные нагрудники почти без металлической защиты. Так, несколько пластин на грудь нашивают... А, если приходится, дерутся кривыми односторонними мечами, которые не выдерживают ударов наших мечей. И щиты у них маленькие, круглые, из многослойной кожи, обтягивающей каркас. Удар нашего меча такой щит не держит. Нашу стрелу не остановит, тем паче. Но для лёгкого конника это самое подходящее вооружение. Позволяет сохранить маневренность. Выпустят несколько туч стрел⁴³, и отходят, потом накатывается новая лава, и снова несколько туч выпускает. И так долго могут стрелять, не подходя близко. Радовало то, что луки у них слабоваты. Мне ради аваров приходилось даже часть стрельцов с передового отряда снимать. Хорошо хоть, авары, по замыслу Тассилона, атаковали не одновременно с рыцарской конницей, а только после того, как рыцари должны были в строю увязнуть, чтобы в этот момент отвлечь на себя значительные силы. Тассилон сделал из конницы только вспомогательное войско, вместо того, чтобы сделать постоянную ударную силу, и не давать нам ни построиться, ни подготовиться к битве. Я стрельцов успевал бегом провести на фланги. Пеший полк расступался, и давал им коридор. Но они для пешего полка успевали основную работу сделать. До столкновения половина баварских рыцарей уже на земле лежала. Стрельцы их не подпускали. А остальных можно было бы перерубить в общей свалке без проблем. Но Тассилон легко пугался, и до общей свалки дело не доводил. Отступал сразу, так и не завершив атаку...

– Ты преследовал?

– Единственно умное, что показал нам герцог, это выбор времени для сражения. Должно быть, его научили этому авары, у которых это, я слышал, известная тактика. Если помнишь, Атила применил её против Аэция⁴⁴. Он вступал в бой уже ближе к вечеру, чтобы успеть убежать в темноте...

– А авары? – спросил Годослав. – Наши стрельцы успевали измерить полёт своей стрелы?

– Только это и успевали. Аварские стрелы ещё не долетали до наших рядов, а у них уже были большие потери. И они отступали вместе с баварцами...

– Да, брат-княже, ты показал грамотную войну... – оценил Годослав.

– Но, к сожалению, так и не успел сам вытащить меч из ножен... Кроме маленького эпизода. На марше мы натолкнулись на отряд аваров, сопровождающий обоз. И захватили их... Добыча не велика, но хоть плечи размял. Отрядом командовал какой-то знатный аварский рыцарь. Я в несколько ударов срубил его в поединке...

---

⁴³ Туча стрел – то же самое, что залп, произведённый из огнестрельного оружия. Одновременная стрельба из всех луков.

⁴⁴ Авары (на Руси их звали обрами) – пришли в Европу вместе с войском гуннского вождя Атилы. В сражении под Шампанью с римско-германской армией Аэция, неуверенный в своих силах и мучимый предсказаниями жрецов о поражении, Атила специально начал сражение в преддверии вечера, чтобы иметь возможность бежать. Впоследствии эта тактика всегда применялась аварами, когда они не были уверены в своих силах, и затянула «странную» войну Карла против аварского каганата на многие годы, потому что Карлу никак не удавалось полностью уничтожить аварскую армию в сражении. И решающее значение в той будущей войне всё же сыграют позже славянские стрельцы князя Войномира.

– Я сам вообще уже забыл, когда в последний раз прикасался к мечу... – отчего-то вдруг почти шёпотом сказал Годослав. Фраза эта, должно быть, предназначалась только для Дражко. По крайней мере, никто из бояр князя не расслышал. – Может быть, скоро придётся...

Дражко перевел на князя взгляд, но Годослав уже смотрел в сторону, думая о чём-то своём.

– Однако, я слышал, что Карл отнёсся к тебе очень благосклонно.

– Так благосклонно, что предлагал мне войти в число собственного окружения, и ради этого готов был сделать графом и владельцем больших земель. Предлагал мне в виде подарка свое собственное имение.

– И ты?..

– Я? – Дражко вроде бы даже удивился вопросу. – Я – князь, говоря по-франкски, принц, мой титул выше двух графских и даже выше герцогского... А что касается земель, то во франкских владениях мне просто будет не хватать снега... Я отказался...

– Карл расстроился?

– Мне показалось, он меня понял. Если и расстроился, то не обиделся. По крайней мере, тебя он любит по-прежнему, и по-прежнему тебя поддерживает, о чём лично просил меня тебе сообщить. И очень интересовался твоими отношениями с данами. В случае какого-то обострения Каролинг готов прислать нам в помощь ближайший полк, что стоит у границы, и обязать к тому же эделингов Саксонии.

Это, должно быть, и было основным, что хотел донести Годослав до ушей бояр.

– Карл отправляется, я слышал, в свой стольный Аахен? По крайней мере, он всегда раньше делал так... Каждый год после войны, а летом воюет он без отдыха...

– Я слышал, что эту зиму он планирует провести вне дома... Меня не посвящали в подробности, но Карл, кажется, должен снова выступить в Саксонию. Но я уехал раньше. Думаю, через неделю франки с основными своими силами будут недалеко от наших границ...

Князь улыбнулся, на минутку задумался, но, наконец, потрянул головой, отчего его грива всколыхнулась, как в прежние времена, и громко объявил:

– Завтра, в честь возвращения с войны моего сопровителя князя-воеводы Дражко, я устраиваю большую охоту с пардусами⁴⁵... Кто желает, может присоединиться. Все на сегодня свободны. Пойдём, брат, ко мне в охотничий домик. Гайяна родила шустрых котят. Из них получатся отличные охотники. Тебе интересно будет посмотреть, – Годослав встал первым, и сделал князю-воеводе приглашающий жест...

---

⁴⁵ Пардус – славянское название гепарда, которого на Руси и в других славянских землях широко использовали, как охотничье животное, догоняющее и убивающее добычу. В быстроте бега в животном мире с пардусом не может сравниться никто.

Глава третья

Лёгкий вздох, отчётливо раздавшийся за спиной, привлёк внимание князя Буривого.

– Ты звал, отец?

Буривой, в своей глубокой задумчивости, окунувшей его одновременно и в день сегодняшней, и в дни далёкого прошлого, совмещая прошлое с настоящим, и пытаясь вывести из этого мысленное будущее, даже не услышал, как княжич Гостомysl дошёл почти до середины тёмной по ночному времени горницы, и остановился против него в двух шагах. Гостомysl даже в сапогах ходит тихо, и с опущенной головой, словно бы сам в это время о чём-то важном размышляет.

– Звал... Молодая княжна, чать, не в обиде на меня? – усмехнулся отец.

– Она знает, что если даже за простого воя выйти, вой по первому зову своего князя обязан явиться... – улыбнулся сын. – А если она вышла не за простого воя, а за сына *Буривого*, то это стократ больше...

Фигурой Гостомysl не в отца пошёл, и не в старших покойных братьев. В матушку свою, скорее... Пусть и ростом в семнадцать лет уже был выше Буривого, и выше, чем братья старшие покойные были, но и в двадцать семь лет у него в теле той физической мощи, которая уже одна пугает противника. Гостомysl строен, хотя породистую силу и в нём всё же видно, статен. И голос не громкий, и ярости в нраве не заметно. Но в мечной сече, знает отец, неуступчив, напорист, и не натужной силой берёт, а быстротой, умением и хитростью. И в разговоре гладок. Где отец норовит характером взять, Гостомysl доводами. Убеждать умеет...

– Добро... – сказал отец. – Жену надо с первых дней в строгости держать. А то я момент упустил, дал волю, и потом... Сейчас должны пленников привести...

– Откуда?

– Сирнане со своими лосями в прорубе искупнуться вздумали... Их, слышу, только что выловили... – Буривой повернул ухо к окну, от недалних крепостных ворот донеслись возбужденные голоса. – Узнаем новости...

– Я вчера с малой дружиной окрест проехал... – сказал Гостомysl. – С той и с другой стороны, и реку по льду поперёк осмотрел... Следов не видно было... Не думаю, чтоб варяги в зиму выступили. Волхвы вскоре холода обещают. Должны бы подождать. Хотя...

– Что?

– Если в характер Войномира вдуматься, это как раз будет для него время... – вслух стал размышлять княжич. – Он же напролом никогда не лезет... И любит, когда его не ждут... А как лошадям хвосты приморозит, тогда, посчитает, совсем его ждать не будут...

– Теперь уже будем ждать... – вздохнул Буривой. – Был бы я в теле здоровом, он не радовался бы сам, меня дожидаясь!

Это уже было совсем не в его характере – вздыхать при упоминании врага. Буривою скорее свойственно было голосом громоветь. И потому Гостомysl посмотрел на отца внимательно. Но он и сам прекрасно знал, в каком бедственном положении сейчас находится словенское войско. Хорошо ещё, что стены крепости Карелы новые, ни одной осадой не расшатанные, и от ломающего все времени ремонта не требуют. И припасы, что в крепости, что в городе, на чёрный день есть основательные. Знали, к чему можно готовиться, и хорошо готовились. Сейчас, по непрочному льду, к крепости подбираться рискованно. Ни одной стенобитной машины не подтащить. А встанет лёд крепкий, тогда можно и гостей ждать. Хотя варяги со стенобитными машинами не дружат, но Гостомysl слышал, что есть у них несколько, способных самые крепкие ворота пробить. И поджечь попытаются огненными стрелами. В деревянных городах огненные стрелы способны много бед натворить. Хотя огненные стрелы тоже лучше летом использовать, когда дерево сохнет...

Буриной словно прочитал мысли сына.

– Да, лёд скрепчает, могут и пойти...

За дверью послышались шаги. Гостомысл, опережая отца, ставшего из-за ранения не скорым на подъем, подошёл к двери первым, и распахнул её. Пришёл сотник крепостной охранной сотни с белой от инея бородой и сосульками на усах, которые сотник сгребал ладонью в рукавице, словно желая обломить вместе с усами...

– Дозволь, княже... – спросил Гостомысла, но посмотрел на Буриной.

Гостомысл шагнул в сторону, пропуская сотника.

– Что там?

– Одного только и выловили живым... Еле-еле живым... Водички тож хлебнул досыта... Остальные не дались... Сами – под лёд... И четырёх вот лосей пымали... Эти-то сами выбрались. Лоси нам тоже сгодятся...

– Сирнане? – удивился Гостомысл. – Сирнане не дались?

Это было что-то новое. Обычно сирнане не бывают упертыми даже в бою, и легко сдаются.

– Сирнан, как показалось, только двое было, – сказал сотник. – Они выбраться старались, но не смогли. Течением их под лед утянуло. Остальные – варяги, под сирнан вырядились... А под мехом кольчуги... В кольчуге, не захочешь, на дно пойдёшь, только с седла свалишься... А эти захотели... И пошли...

– Этот, которого выловили, кто? – нахмурился Буриной.

– Рус... Его лось рогами вытащил... Тоже, как другие русы, несчастный, хотел утопиться, да к сирнанской одежде не привык... За рога подмышкой и зацепился... Шкура на нём с чужого плеча – шибко широка оказалась...

Буриной довольно хмыкнул.

– Привёл?

– На крыльце держим... Подмораживаем... Может, сразу его и на дыбу? И огня под брюхо, чтоб подсушить после купания... Тогда ему легче говорить будет, зубами стучать перестанет...

– Ишь, заботливый какой... Может, велишь расплавить олова, да в глотку влить захочешь, чтоб язык согреть⁴⁶... Сюда ведите... – распорядился князь.

Сотник вышел, привыкший к безоговорочному выполнению любого приказа. Князь характером крут, и не терпит промедления. Буриной снял меч со стены, туго опоясался, и сел на лавку у стола, скрестив на груди тяжёлые, мощные, и необычайно длинные руки. Бросил взгляд на сына. Тот по ночному зову отца пришёл без меча. Вид, конечно, не шибко грозный имеет, но у Гостомысла главное оружие – голова и язык. И этим оружием он владеет хорошо. А пока пленного не привели, княжич вытащил из специальной щели в стене у двери лучины, и запалил с трёх сторон, чтобы пленника видно было хорошо, а самого князя плохо. Буриной мысленно одобрил такое освещение, хотя сначала хотел велеть запалить факел.

Из-за двери слышен был грубый и жестокий смех. И когда дверь уже отворилась, долетала последняя фраза одного из воев крепостной охраны:

– С носа-то, с носа ему сосульки сбейте... Нос только, смотри, не отломите... Вот так...

Ввели пленника, со всех сторон покрытого коркой свежего льда. Лёд потрескался, и держался на одежде, сшитой из шкур мехом наружу, сосульками. И даже кольчуга, высовывающаяся из разорванной на груди одежды, тоже льдом покрылась. Меховая шапка набок сдвинута, но приморозилась к волосам так, что только поэтому на голове и держалась. Руки пленного

---

⁴⁶ Несмотря на царившую в средневековье, особенно в раннем, повсеместную дикость, в дохристианские времена славяне всегда неодобрительно относились к пыткам. Пытки стали широко применяться в основном с усилением влияния греческой, так называемой, «культуры».

в локтях стянули петлей за спиной, отчего не слишком широкие плечи раздвинулись. А лицо со следами свежих побоев смотрело мрачно, но без страха, даже с какой-то высокомерной насмешкой.

На вид варягу было лет двадцать с небольшим, может быть, даже ровесник Гостомысла, может быть, чуть младше. Короткая русая борода, тоже сосульками покрытая, скукожилась вокруг плотно сжатого упрямого тонкогубого рта. Но даже в таком положении, когда смерть, заглянув ему в глаза из проруби, продолжала заглядывать и сейчас, воли она у воина не отняла, чувствовалась в лице варяга сильная натура, которая смерти не страшилась, и готова была честь свою держать.

Вои вчетвером силой поставили упирающегося пленника на колени, но стоило им отступить к двери, как тот упрямо встал прямо. Вои снова шагнули вперёд, чтобы несколькими ударами «направить» неразумного, но Буриной сделал останавливающий знак рукой.

Князь с Гостомыслом долго в молчании рассматривали молодого варяга, ожидая, как тот себя поведёт. Но варяг оставался в прежней напряжённой позе, и никак не показывал своего желания выпросить у победителей жизнь. Впрочем, на это они и не надеялись, не впервой встречаясь с таким противником, и уважая его.

– Чей ты будешь? – спросил князь, устав от рассматривания.

– Воин русов, – коротко ответил пленник.

– А имя у тебя есть? – в голосе Буриной слышалась откровенная насмешка.

– Отец с матушкой назвали меня Вильчаном.

– Слышал я про нескольких Вильчанов... – сказал князь, показывая свое знакомство с обществом варягов. – Но все они постарше тебя должны быть.

– Я тоже знаю несколько Вильчанов, которые постарше, и знаю двух, которые помладше... – пленник робости не показывал. – Имя распространённое. Мне они не родственники.

Буриной опять усмехнулся, сделал знак охране, приказывая выйти, дверь закрылась, и князь переглянулся с сыном. Гостомысл взгляд отца понял, взял со стола нож, и, шагнув к пленнику, перерезал за спиной верёвки. Вильчан пошевелил затёкшими плечами, потёр руки в запястьях, разгоняя кровь. И проследил взглядом за молодым княжичем – как тот нож кладёт туда же, откуда взял, словно совсем не боится, что пленник может оружием воспользоваться.

– Дай ему мёду... – приказал Буриной. – Пусть нутро согреет...

Но этот приказ был уже лишним, потому что Гостомысл сам направился к широкому подоконнику, где в резной берестяной баклажке стоял хмельной мёд. Собирался было налить в деревянный стакан, но передумал, и вернулся к варягу с целой баклажкой, протянул:

– Согрейся... Мёд крепок! И всегда от холода спасает.

Варяг посмотрел недоверчиво, не понимая доброты своих врагов, но баклажку принял, сначала, проверяя, понюхал содержимое, потом приложился к посудине ртом, и опорожнил одним длинным глотком.

– Пьёшь ты, как старый питух⁴⁷... – со смешком сказал Буриной. – Вроде и не по возрасту...

Варяг не ответил, только усы, начавшие в теплой горнице оттаивать, вытер, и пальцами убрал с них сосульки.

– Я в прошлом годе до колен только провалился, – сказал Гостомысл. – И поболее выпил, чтоб без ног не остаться, и с горячкой не слечь...

– Говорить будем? – спросил князь пленника.

– Говори... – предложил тот. – А я послушаю...

---

⁴⁷ Питух (старославянское) – пьяница.

– Вот ты какой... – Буриной начал сердиться, хотя заранее знал, что добиться откровенного разговора от варяга вряд ли удастся – такой уж это упертый народ. – Зачем к нам пожаловали?

– К Буриной в гости...

– А кто тебе сказал, что Буриной здесь?

– Земля всегда слухами полнится... Всему лесу это известно...

– Ну-ну... И что тебе от Буриной надо?

– Отведи меня к нему. Я ему и скажу...

– Он перед тобой.

Молодой варяг совсем не смутился тем, что находится перед князем.

– Ещё лучше... Тогда я просто хочу предложить тебе сдаться князю Астарате, пока не подошёл со своей дружиной князь Войномир. Астарата любит вести переговоры, он мудр, а Войномир в своих силах уверен, сразу поведёт полк в бой. И тогда...

– Князь Астарата здесь? – с улыбкой спросил Буриной.

– Недалеко...

– Сам стар, и конь его стар... – усмехнулся князь-словен, вспомнив, что так о Астарате говорили ещё тогда, когда сам он был молодым княжичем. – Не пора ли ему в свой просторный дом вернуться... Я бывал у него в Русе. Добрый у Астараты дом, высокий и тёплый...

Молодого варяга воспоминания князя тронули мало.

– И старый Астарата умрёт когда-нибудь на своём старом коне. Но, пока он живой, с ним ты сможешь договориться...

– Вопрос только в том, хотим ли мы договариваться с Астаратой... – задумчиво сказал Гостомysl. – Наше положение не такое уж и плохое... А весной, если боги милость проявят, и дадут до весны дожить, будем думать, что делать. До весны многое может перемениться. Может, и Астарата умрет. Может, Войномира добрая стрела найдет.

– Ты, наверное, княжич Гостомysl? – спросил варяг.

Княжич кивнул с лёгкой улыбкой.

– Не обманывайте себя, – сказал варяг прямо. – Вы можете сколько угодно говорить о том, что весной дела пойдут по-другому. Я думаю, правильно ты надумал, что до весны нужно еще дожить, ведь за зиму Войномир разрушит эту крепость...

– Ты говоришь, как победитель с побеждёнными, – заметил Гостомysl словно бы между делом, – но пока ты сам пленник, и помощи тебе ждать неоткуда.

– Это не изменит ничего. Есть я или нет меня, убили меня или в реке утопили... Я только человек, а людей много. Что бы со мной ни случилось, события пойдут своим чередом... Я просто советую вам всем подумать, как лучше говорить с Астаратой, потому что он может дать послабление побеждённым. Он на характер мягок. Тем более, князь Буриной знаком с ним. И сам Астарата к Буриной с уважением относится. Он много раз говорил об этом.

– Ты начинаешь мне надоедать... – сказал Буриной, вставая, и хмурия брови. – Вместо интересного рассказа о том, как варяги любят купаться в полыньях, ты твердишь басни, достойные отроков, когда они не перешли ещё из женской половины дома в мужскую⁴⁸... Это едва ли поможет тебе выжить... Эй! Там...

Вои стражи вошли в дверь сразу же. Агрессивные, копьё наставили в спину варягу.

– Отведите его в...

– В баню... – закончил за отца Гостомysl. – Протопите баньку, как след, пропарьте его хорошенько, чтоб заболеть не вздумал, да сторожите, чтоб не убёг... Он нам очень нужен

---

⁴⁸ У восточных славян мальчик до пяти лет воспитывался матерью, потом переходил на мужскую половину дома, и воспитывали его уже мужчины.

будет... И бить не вздумайте... Потом накормите, и в тёплый чулан до утра закройте... У двери охрану...

И посмотрел на отца строго. Буриной, готовый возразить, понял, что Гостомысл что-то дельное придумал. Уму сына он подчинился так, как никогда бы не подчинился угрозе чужого меча.

Молодой варяг, готовый к самому худшему, только в недоумении пожал плечами и усмехнулся. И, повинувшись указаниям копий крепостных стражников, шагнул к двери.

– Подожди... – сказал Буриной.

Варяг обернулся.

– Как вы узнали, что я здесь? Кто выдал?

– Никто не выдавал. Любой город, любая островная крепость на льду вешки выставляет, чтоб дорогу обозначить. Если здесь не выставили, значит...

– Я понял. Иди...

Едва на крыльце стихли шаги, как князь шагнул к подоконнику, взял другую баклажку, полную, и тоже попробовал хмельного мёда. И, в пример варягу, тоже опорожнил её одним глотком.

– Вот как, оказывается... Осторожность против тебя же и оборачивается... Потому и не люблю я осторожность... Что задумал? – спросил сына. – Сказывай-ка...

– Я хочу поехать к Годославу, а его взять с собой...

– И оставить меня одного против Войномира... – отец неодобрительно скривил рот, словно мёд оказался перебродившим. – Даже варяг говорит, что зима не остановит этого князя. А если рана моя не позволит мне сесть в седло, кто меня заменит перед дружиной?

– Войномир ничем не сможет повредить тебе... Он не подойдёт к воротам крепости...

– Почему? – не понял Буриной уверенности сына, и спросил сердито. Он всегда спрашивал сердито, когда чего-то не понимал.

– Потому что я заберу его с собой... И поедет он под охраной. А если вздумает сбежать, его просто убьют...

– Подожди-подожди-подожди... – нахмурился князь. – Ты хочешь сказать...

– Да, я хочу сказать, что Войномир только что стоял перед нами... Я дважды видел его в сече, и дважды не смог к нему пробиться, чтобы вызвать на поединок. Но я его запомнил...

Буриной, осмысливая сказанное, тяжело прошёлся по горнице, хромая больше обычного.

– Я отвезу его к Годославу, которому он племянник, – продолжал своё княжич. – И назад приеду с ним или без него, но без такой поездки нам не прекратить эту войну с честью...

Буриной сел так, словно вдруг ослаб телом.

– Наверное, ты прав... А что молодая княжна на это скажет?.. Месяц после свадьбы не минул, а отец тебя в дорогу гонит. Да еще на край света.

– Она знает, что приказ князя первее всего... Отправлю её в Славен, чтоб о старших детях заботилась. Это теперь её дело. А мне нужно дела княжества решать, тебе помогать.

– Да... Пожалуй... Пожалуй, поезжай... – и даже голос отца изменился, стал тихим и неуверенным, болезненным.

И Буриной, подтверждая впечатление, потёр большую ногу...

– Значит, в дорогу... – довольно сказал Гостомысл...

* * *

Княжич Гостомысл ненадолго сходил в свою светлицу, чтобы отдать распоряжения жене со сборами, и вернулся к отцу, желая обсудить всё, о чём стоит говорить с Годославом. Но, пока сын ходил, сам Буриной проявил деятельность, и отправил две полусотни дружинников в разные стороны, проверить безопасность вокруг крепости. А ещё десятку воев велел снарядиться

в дальнюю дорогу, чтобы ехать впереди Гостомысла, разведывать безопасный путь и оповещать стоящие на дороге гарнизоны о проезде княжича.

Небольшой караван из полутора десятков человек при двух санях, в которые запрягли лосей, отправился из крепости ещё затемно. В первых санях сидела Прилюда, новая жена Гостомысла, во вторых санях князь Войномир, с которого звериные одёжки сняли, но дали в дорогу тёплую сухую одежду. Попеременно пары дружинников должны с наставленными копыями ехать позади саней.

Буривой, водрузив на голову свою знаменитую ошкуйную шапку, отбросив палку, на которую, опираясь, иногда ходил, сам вышел проводить караван.

– Я буду ждать... – тихо сказал он на прощание сыну. – Постарайся вернуться быстрее... Ждать всегда труднее, чем самому всё делать... И... На Ладоге осторожнее будь. Там хоть вода спокойнее, но тоже не всё промёрзло... И по сторонам там смотри... Место открытое, тебя видно...

Ладожское море маленькому отряду предстояло пересечь полностью, чтобы потом двигаться уже вдоль Волхова. Там, на противоположном берегу Ладоги, легче всего устроить засаду на выходящий с открытого места отряд. Потому Буривой и выслал разведчиков вперёд, чтобы они встретили Гостомысла на самом опасном месте.

Гостомысл кивнул – трудность и опасность пути он и сам хорошо знал, и тронул повод, занимая передовое место. Отец долго стоять у ворот не стал, и, хромя уже сильнее обычного – трудно ему было передвигаться без палки, двинулся к себе в покои...

Глава четвёртая

Князь-воевода и князь бодричей уединились для более короткой беседы. Наедине с князем Дражко чувствовал себя увереннее и спокойнее, чем среди бояр. По крайней мере, здесь не надо было думать, что следует сказать, а что говорить не следует, и старательно улавливать чужие мысли, что было делом дипломатов, но не воинов.

– Давно ль разлюбезный наш аббат Феофан всей своей свиной тушей при приёмах присутствует? – поинтересовался князь-воевода.

Четыре месяца назад такого в порядке торжественных приёмов не было. Как не было и множества крестов на объёмных боярских животах.

– С тех пор, как почти всех бояр с жёнами и боярских детей вместе с ними окрестил. Сами же бояре за него и ходатайствовали. Я не воспротивился. Пусть, посчитал, сидит. Всё одно, нашего языка не понимает, и учить не думает. Мы для него дикие варвары, которые, правда, несколько грамотнее его, но – тем не менее, варвары. . .

– А окрестил-то давно ль? – в голосе Дражко проскользнуло раздражение и даже оттенок какой-то угрозы в адрес то ли бояр, то ли аббата Феофана.

Годослав горько усмехнулся.

– Месяц тому как начал. И еще продолжает. Шибко грозился и тебя по возвращению на путь истинный крестом наставить. Даже слухи распускал, что тебя Каролинг сильно к этому принуждает. . . – и в словах, и в изучающем взгляде Годослава явственно стоял вопрос.

– Я, пожалуй, сам этого Феофана наставлю. . . – Дражко с интересом посмотрел на свой не слишком лёгкий кулак, и усы его воинственно задрались к самым бровям. – И язык он у меня выучит. . . Или свой высунет. . . Не мне же, в конце-то концов, его латынь учить. . . Вроде, не по чину. . .

Годослав, вздохнув с облегчением, уселся в низком кресле, развалясь, и поглаживал за ухом Гайяну, любимую свою большущую и длинноногую пятнистую кошку, устроившуюся носом у него в коленях. Княжеские пардусы жили в одной из двух обширных комнат его одноэтажного охотничьего домика, пристроенного со двора к Дворцу Сокола. Это были его личные любимые покои, где, если Годослав приказывал, никто беспокоить князя не смел, даже жена, которая пардусов просто побаивалась, и стремления пообщаться с ними не проявляла никогда.

Во второй комнате содержались охотничьи соколы. Если учесть, что пардусы в доме признавали только самого князя, хорошо чувствуя человеческую иерархию, и легко выделяя среди других хозяина, и Божана, охотничьего досмотрщика, слугу, их кормившего и выгуливающего, и отвечающего за княжескую охоту с этими стремительными кошками, а всех других только терпели в присутствии Годослава или того же самого Божана, то становится понятным, что лучшего места для деловых конфиденциальных разговоров во Дворце Сокола найти было невозможно. Пусть гепард – не леопард, и никогда на человека не нападает, тем не менее, опасность представляет порой даже домашняя кошка. А уж о таких больших котах и кошках и говорить не приходится. Кроме того, каждый пять раз задумается, глядя на широкие лапы с длинными когтями, что с ним станет, если эта лапа сердито его зацепит. А все знают, что гепард этой лапой кабана на бегу с ног валит. И большинство из окружения Годослава, исключая самых близких, кто к княжеским кошкам давно привык, предпочитали общаться с князем в других залах Дворца.

Гайяна не умела мурлыкать, как домашние кошки, вошедшие в моду в знатных домах всей Европы в пример домам норвежским, где кошка считалась священным животным, но от удовольствия жмурилась и шевелила усами ничуть не хуже, чем это умел делать сам князь-воевода. Молодые пардусы, дети Гайяны, играли друг с другом здесь же, рычали, и стучали по дощатому деревянному полу своими непомерно длинными когтями. В отличие от домаш-

них кошек, и вообще всех других представителей породы кошачьих, пардусы не умеют убирать когти в подушечки лап, и потому каждое их передвижение создаёт много шума в доме с деревянным полом. Однако в поле, на охоте, именно выпущенные постоянно когти делают пардуса самым быстрым в мире зверем, за которым ни конь, ни даже собака, ни, тем более, человек, не успевают...

– Так что ты хотел позаимствовать из тактики аваров? – переспросил Годослав у князя-воеводы, только поставившего очередной опустошённый кубок на деревянный поднос, и налившего себе следующий, чтобы был под рукой.

Дражко улыбнулся так широко, что усы его поднялись до ушей.

– Я хочу Карла посмешить – он в такие вещи не верит, считает это блажью, дескать, так воюют только дикие кочевники, которые строя не знают и не понимают строгих правил войны. И пусть не верит... Думаю вот, создать отдельный полк конных стрельцов. Может быть, даже не один. В пример аварским.

Годослав помотал головой, не соглашаясь с князем-воеводой, и имея практические причины не согласиться, но сразу эти причины высказывать не стал, чтобы продолжить интересную и ему самому, и князю-воеводе тему.

– Люди сказывают, будто король очень хочет иметь у себя под рукой стрельцов, как наши, только найти даже близко похожих не может. Франки и саксы в руках хилловаты, и глаз у них не тот. К лютичам и сорбам посылал, они ему отказали.

– В том-то и дело, – согласился Дражко. – Желание короля, боюсь, превращается в манию. Уже и монсеньор Бернар обращался ко мне с просьбой от имени самого Карла. И даже напомнил перед самым отъездом особо. «Маленький боевой петушок»⁴⁹ активно набивался мне в друзья, и проводил меня с полком во время отъезда. Впрочем, мне он тоже симпатичен, несмотря на его постоянное ворчание.

– И что это была за просьба? – Годослава интересовало всё, что связано с франками.

– Они просят отослать к ним того стрельца, что выиграл турнир лучников, как они стрельцов называют, в Хаммабурге⁵⁰. Этого стрельца зовут Барабаш, он служит у Ставра в разведке.

– Да, я помню его, – сказал Годослав. – Барабаш выкупил из рабства малолетнего Олафа Трюгвассена⁵¹, и потратил на это весь свой турнирный приз. Я, чтобы компенсировать потери, подарил ему свой загородный лесной дом. Кажется, он собирался там создать какую-то школу для молодых стрельцов...

– Он эту школу создал. И собрал туда с помощью Ставра и на мои деньги нескольких стариков, которые умеют давать отрокам уроки. Сам Барабаш пока службу не оставил, хотя много раз уже грозился...

– И что отроки, учатся?

– Их там три десятка. И это не дети воев, а все простолюдины... И из ближайших деревень, и издалека, чаще – сироты безродные, но головы уже сейчас отчаянные... Барабаш рассудил, что вои своих детей научат сами, а эти – наш законный резерв, который грех не использовать. Впрочем, я об этом обо всем знаю только понаслышке. Тебе лучше Ставр расскажет.

---

⁴⁹ «Маленький боевой петушок» – кличка, которую дали своему любимому полководцу франки. Королевский дядя монсеньор Бернар был шуплым, небольшого роста человеком, и при этом отличался задиристым характером и непомерной отвагой, как настоящий петух.

⁵⁰ Хаммабург – старинное название Гамбурга.

⁵¹ Наследник норвежского престола Олаф Трюгвассен (не путать с его внуком Олафом Трюгвассеном, крестителем Норвегии, что часто встречается в исторической публицистике) в пятилетнем возрасте был похищен викингами-эстами, и продан в рабство. Олафа выкупили бодричи и вернули отцу.

– Относительно отроков – резонное рассуждение, – согласно кивнул князь. – Он сам так рассудил или ему помог головашный⁵² Ставр?

– Он сам так рассудил с помощью Ставра, – обтекаемо ответил Дражко, скромно умолчав, что Ставр при этом выполнял приказание самого князя-воеводы.

– Хорошо... И что же ты ответил Бернару?

– До Карла дошли слухи о школе Барабаша. Кто-то из лёгких на язык путешественников-купцов их донёс. Карл, который школы учреждать любит, как и Алкуин, решил, что у него должна быть такая же, и там непременно должен быть преподавателем наш лучший стрелец. Что я мог ответить королевскому дядюшке? Я сказал только, что Барабаш человек свободный больше, чем я, и сам вправе решать, где и чем ему заниматься. Но пообещал передать королевское предложение. Карл устами монсеньора Бернара гарантировал жалованье не менее высокое, чем у рыцаря, пришедшего на службу со своей дружиной.

– Да, кстати... О деньгах, чтоб им неладно было... Мне передавали недавно привет от князя Бравлина из Старгорода, – сказал Годослав. – Князь просил у меня займы крупную сумму, но непременно так, чтобы это не дошло до Карла. Он хочет нанять большую дружину норвегов для защиты своих стен. Я деньги дал... Не смог не дать, хотя знаю, как к этому отнесётся Карл, если до него дойдут вести, поскольку эти деньги частично из суммы годового налога в королевскую казну. Вторую часть налога перекрыл ты своими успешными действиями в Баварии. Мы так договаривались с графом Оливье, королевским посланцем. Оливье же всё ещё ждёт остаток. Надо где-то наскрести. Придётся обращаться к руянцам. Храм⁵³ раньше всегда помогал мне. Наверное, отправлю туда тебя...

Дражко согласно закивал усами.

– Храм, я думаю, поможет и сейчас... И хорошо, что ты дал... Боюсь только, что Карл пожелает обязать нас выступить против Бравлина. И тогда нам придётся воевать против этих самых норвегов, нанятых за наши же деньги.

Годослав на такое предположение только гримасу скорчил.

– Едва ли... Каролинг, мне кажется, знает меру, и знает наши взаимоотношения с Бравлином, сложившиеся в последние годы. Если бы раньше, когда мы сами промеж себя повоёвывали... Сейчас, думаю, Карл будет осторожнее. Он сам когда-то говорил, что лучше не иметь союзников, и надеяться только на себя, чем иметь союзника, на которого не можешь положиться... Так вот, о чём я... Мы с посланником поговорили о делах Бравлина. К нему, кстати, тоже обращался посланец короля с той же просьбой относительно стрельцов. Князь вагров отказал не слишком, нельзя не заметить, вежливо...

– И что он сказал посланцу? – Дражко уже начал улыбаться, зная обычную прямоту и образность языка Бравлина.

Улыбнулся и Годослав.

– Что его стрельцы согласны учить франкских отроков только в том случае, если мишенью для тренировок будут франкские рыцари. Его стрельцы давно привычны именно к таким мишеням, и с другими работать не желают...

– Бравлин храбр! Это равнозначно объявлению войны...

Годослав на такое предположение только плечами пожал:

– Война между ними и так не затихает, хотя она и считается официально полуживым миром. Но франкские и саксонские отряды постоянно грабят земли вагров, сжигают деревню за деревней... О какой вежливости в таком состоянии мира можно говорить...

---

⁵² Головашный (западн. старослав.) – умный, сообразительный. В некоторых западнославянских странах слово сохранилось, как фамилия.

⁵³ Храм Свентовита на острове Руян (Буян) в столице острова городе Аркона. Описан Саксоном Грамматиком. Имел большие доходы со снаряжения экспедиций славянских викингов.

– Да, между Бравлином и Карлом мир слишком хрупок, чтобы Бравлин решился бы усиливать противника, готовя ему стрельцов. И трижды, я думаю, он прав...

– Боюсь, – вздохнул князь, – что наш мир не менее хрупок...

– Что-то случилось? – спросил Дражко, уже готовый, в соответствии с увиденным ранее, к тому, чтобы выслушать неприятные известия.

– Скоро приедет Ставр, он только что приехал, как мне доложили. Он подробно расскажет то, что я знаю понаслышке... Пока поговорим о твоих планах... Несколько полков конных стрельцов, говоришь. И что это даст? Как ты думаешь их применять?

Годослав в раздумье нахмурил высокий лоб, собрав на нём многочисленные морщины, а Дражко опорожнил очередной кубок хмельного мёда, но решил, что не совсем ещё утолил свою всем известную жажду, и сразу налил себе новый.

– Именно так. Мечтаю создать. Хотя бы пару полков. И при этом они должны быть легко вооружены, чтобы иметь повышенную подвижность. И сидеть на самых быстрых и тонконогих конях. Представь, выставляет, скажем, Готфрид, как он любит делать, впереди конных тяжёлых викингов, а позади ещё более тяжёлую и неповоротливую пехоту недобитого тобой графа Ксарлуупа. Тактика, надо сказать, похожая на тактику Тассилона и на тактику властителей почти всех европейских стран. И конные стрельцы, с двух сторон по полку, просто перебивают сначала конников, не сходясь с ними в сече, а потом принимаются за пехоту. И совершенно без потерь, потому что их самих на длину копья не подпускают. Только стрел надо запастись поболее, и поле для такого сражения найти пошире. Впрочем, наши стрельцы умеют посылать стрелы и навесом точно по месту. Значит, и через какой-то лесок могут врага уничтожить. И даже на глаза врагу не попадаясь. Такая вот у меня затея, княже.

– Стрел запастись не долго, и поле подыскать не трудно, только где взять столько стрельцов? Не снимать же их, сам понимаешь, с городских стен... Стены тоже оборонять след, но, боюсь, и тогда стрельцов не хватит!

– Вот этот вопрос меня и мучает. Создать побольше школ, по примеру Барабаша... Но результат скажется, когда мы уже стариками будем... Пусть, конечно, и тогда скажется... Я не думаю, что нас и через много лет в покое оставят. Но мне хотелось бы свою мысль воплотить в жизнь сейчас... Я словно бы вижу даже такую картину, – князь-воевода отчаянно взмахнул рукой, – как полки стрельцов, с двух сторон навстречу друг другу, прорываются в коридор между викингами и пехотой, и на скорости обстреливает и тех и других, в центре расходятся, и продолжают движение и своё дело... Только стрельцов бы поболее, стрельцов бы...

– Я вижу, глаза у тебя горят – это значит, ты видишь результат. Но где найти стрельцов ты предполагаешь... Есть по этому поводу дельные мысли?

Дражко выдержал паузу, чтобы подчеркнуть важность сказанного далее.

– Есть. Надо набирать стрельцов в других землях, у соседей. И у сорбов, и у лютичей, и у моравов, и у ляхов... Везде, где только можно. Вплоть до того, чтобы к словенам и к русам на Ильмень-море посла отправить, в Киев на Днепр, к тамошним русам... Хватит им друг на друга стрелы тратить, когда с заката беда с крестами на груди на всех надвигается, и, после нас до них доберётся... Можно у них взять... Хотя бы по несколько сотен...

– Скажи ещё – и у вагров... Кто ж их отпустит... Ты думаешь, стрельцы на местах не нужны? Словене с руссами уже несколько лет воюют, и конца войне не видно... У них каждый вой, каждый стрелец на счету... Лютичи с сербами нам не доверяют, тоже войны ждут и от нас и от франков...

Дражко досадливо стукнул себя ладонью по колену.

– Нужны стрельцы и им, это я понимаю. Много уже об этом думал, прикидывал, что и как можно сделать. Выход один – создавать наёмное стрельцовское войско. Если платить будем хорошо, стрельцы сами к нам пойдут. Сейчас ведь как... Везде, куда не глянь, стрельцам платят вдвое меньше, чем пехотинцам. Дескать, у стрельца меньше возможности погибнуть. А сколько

они пользы приносят, сколько жизней пехотинцев спасают своими стрелами, этого никто учитывать не желает. Только мы одни и умеем их ценить. Даже Карл, при всех своих полководческих талантах, не слишком понимает, что стрельцы могут сделать... Мой пример его пока не убеждает. И не было пока возможности доказать так, чтобы он сам увидел. Как, например, от данов мы отбивались, когда ты в Хаммабурге на турнире был. Тогда стрельцы все дело сделали.

– А где ты думаешь денег найти? Я и без того скребу по всем карманам – своим и чужим...

– Вот об этом и стоит подумать... Если не будем думать, дело не продвинется. Может быть, на бояр новый налог наложить? Что на это скажешь, княже?

Годослав покачал головой и вздохнул.

– Взвоют, озвереют... А потом налог на простой люд переложат. И народ будет против меня. А я с народом ссориться не хочу. Это для меня большая сподрука против бояр.

– Собака лает, войско идёт... Мы их сможем быстро утихомирить, если будем действовать правильно и жёстко...

– Всё бы так, но мне их поддержка пока ещё нужна. Полная... У них, у вместе взятых, дружинников столько же, сколько сейчас у меня. И без них я ни в одной войне обойтись не смогу. Или ты желаешь мне участи герцога Тассилона?..

– Тогда, – вздохнул князь-воевода, – я вижу единственный возможный выход – опять с руянцами говорить... Руян – дно золотое... И надо как-то приспособиться, чтобы нам самим на это дно нырять. Туда бы вообще человека поставить, чтоб островом от твоего имени правил, и налог побольше собирал... Хорошего крепкого воеводу... Ещё лучше, кого-то из младших князей, как раньше, при дедах было... А то, я подозреваю, давно уже половина мимо казны проходит. И через своего князя отправлять в походы викингов. Чтобы не храму доход давали, а княжеской казне.

– Нет у меня, к беде моей, такого надёжного под рукой, чтобы его можно было от других дел оторвать и посадить на Руяне. Даже для-ради собирания войска... Нет его просто, и всё... Младших князей я вынужден на границе с данами и с лютичами держать... И воевод толковых тоже...

– Князь Додон!.. Не всю же жизнь ему ногти свои обтачивать и перед зеркалом выряться... Надо и делом заниматься. Он давно, я слышал, власти хочет. Это уже шаг к власти... Поставить его над руянцами княжить...

– Ой, ли... – с заметным раздражением и откровенной неприязнью ответил Годослав. – Что-то ты в одну дуду с боярами запел... Они уже трижды ко мне с тем же делом обращались. Додона пристроить хотят в обмен на его подарки. Он их долго обхаживал с тем же делом, как мне докладывали. Теперь они меня обрабатывают. Тебе Додон подарков не слал?

– Не слал... Не успел ещё...

– Но ты верно заметил, что Додон давно к власти тянется. Как только из Византии вернулся, вокруг себя недовольных собирает. Кто слово плохое обо мне скажет, тот Додону лучший друг и брат. Но ему и такой маленькой власти доверить нельзя. Боюсь, мы тогда совсем Руян потеряем. Отделиться пожелает, как другие когда-то отделились...

– Руянцы народ не такой...

– Они не народ, они часть нашего народа, но разные по национальности. Там не только бодричи и полабы, там и ляхи, и ливы, и свеи, и норвеги и даны, тоже себя руянцами считающие. А Додон у греков научился хитрые интриги плести. Там, где один грек появится, там сразу раздоры начинаются. Это давно известно. Там брат на брата руку поднимает. А мне этого не надо. Я думаю, как бы Додона в приграничную дружину отправить, чтобы там под приглядом был, и к власти не допускался. А ты предлагаешь ему руки развязать... Нет уж! Ищи другие пути...

– Думать надо. Дело стоит того... Если создадим конное стрелецкое войско, и в деле покажем, что мы можем, то уже и мои братья сорбы иначе на нас посмотрят, и лютичи союза захотят. Карл на них давно зубы точит, а когда наточит и пасть раззявит, объединяться будет поздно...

– И на нас скоро точить будет... – сказал от двери неслышно вошедший волхв Ставр, командир княжеских разведчиков. – По крайней мере, имеет теперь полные основания, которых ему раньше так не хватало, чтобы высказать серьёзные придиры всему княжеству, если только наш князь не пожелает перессориться со своими же людьми. Причём, с людьми самыми верными и надёжными, в отличие от бояр. А он, я думаю, не пожелает. Своих людей наш князь, как мы все хорошо знаем, бережёт...

– Ставр! – поднялся князь-воевода, и шагнул волхву навстречу, разглядывая его забрызганную грязью и промокшую в дороге лёгкую для времени года одежду. – Откуда ты?

Худощавый, но жилистый и сильный даже внешне, ширококостный волхв посмотрел на князя-воеводу сверху вниз, потому что был почти на целую голову выше не маленького ростом Дражко, и коротко, не весело, улыбнулся, показывая, что рад видеть последнего живым, здоровым и невредимым. Но тотчас лицо его приобрело прежнее невозмутимо-серьёзное выражение, показывающее не усталость после долгой дороги, поскольку усталости, как оба князя хорошо знали, разведчик не ведал, а серьёзность вестей, которые он принёс.

– Из Свентаны⁵⁴... Прямо с противоположной стороны той, с которой прибыл ты, и с вестями гораздо менее приятными, чем привезённые тобой. Я так думаю, глядя на твою новую гривну, что ты принёс приятные вести...

– Проходи, Ставр, мы тебя и дожидаемся... – сказал Годослав. – Даже если вести твои не самые радужные... А иных, насколько мне ведомо, ты привезти и не должен...

– Ты, княже, вижу, на манер франкских королей, решил обзавестись майордомом? – теперь в голосе волхва отчётливо прозвучали нотки неодобрения. – Это, если помнишь, опасно⁵⁵...

– Каким ещё майордомом? – Годослав не понял.

– Раньше всем хватало доброго старика глашатного Сташко. А теперь... Добрый монах, то бишь, аббат Феофан – никак не привыкну к его новому званию! – ни в какую не хотел пускать меня к тебе. И не пустил бы, коли б я не пригрозил ему посохом.

Волхв впечатляюще потряс посохом, вполне способным заменить добрую дубинку и копьё одновременно. Кто сталкивался с этим оружием, хорошо знали его силу.

– У Феофана, насколько мне помнится, – засмеялся князь, – уже была возможность с твоим посохом познакомиться⁵⁶, можно сказать, на глазах у всего Хаммабурга...

– Вот-вот... Только потому и пропустил... Но многократно перекрестил при этом мою бедную усталую спину. И латинские молитвы вслед твердил. Словно бесов изгонял... Хотя, я слышал, у христиан процесс изгнания бесов – сложнейшая работа, к которой допускаются только особо избранные священники, да и то занимаются таким ремеслом только с позволения далекого от святости его святейшества Римского Папы.

---

⁵⁴ Свентана – город-крепость на границе с Данией, недалеко от границы с Саксонией, входящей в то время в состав королевства франков, точка важного пересечения дорог, связывающих Датское королевство с континентальной Европой. Город, в котором находился один из самых древних храмов Свентовита. От названия храма и произошло название города, а вовсе не оттого, что его построили свеи, как утверждают некоторые историки. Храм Свентовита существовал там до того, как был заложен город-крепость. Вокруг храма селились люди, а потом уже возник и сам город.

⁵⁵ Намёк на то, что отец Карла Великого Пипин Короткий был просто майордомом у короля Хильдерика Третьего Меровинга. Но с помощью Римского Папы захватил власть, и стал королём франков, установив господство новой династии.

⁵⁶ Эпизод первой книги.

– Чем больше этот преподобный Феофан жиреет, тем наглее становится, – недовольно проворчал Дращко. – Ничего, скоро найдётся и на него добрый честный человек, который не поленился монашескую прыть укротить...

– Уже нашёлся... – мрачно изрёк Ставр. – Хотя сам Феофан об этом и не догадывается... Всё, княже, идёт так, как ты и задумывал...

– Рассказывай! – приказал Годослав, и улыбка сразу ушла с его лица, не оставив следа. И князь-воевода увидел перед собой того самого Годослава, что встретил его сегодня в парадной горнице Дворца Сокола, измученного, может быть, даже несчастного.

– Рассказ мой, княже, короток. Узнал я, что ты просил... Аббат Феофан проявляет несвойственную ни одной на свете жирной горе прыть, и разгоняет сани настолько быстро, что они опрокидываются, поскольку возница с вожжами не дружит, точно так же, как с головой, по которой, бывало, частенько основательно молотили дубинками.

– Я строго-настрою наказал Феофану, что церкви будут строиться только по моему указу, и только там, где я скажу... – грозно сказал князь, хмурия и без того нахмуренное лицо, но глаза его при этом, как показалось князю-воеводе, довольно просинели.

– А он посчитал, что, поскольку ты разрешил открыть миссионерскую обитель в Свентане, то и церковь строить разрешил... И ладно бы где-нигде... Хотя там, в городе, сам, княже, небось, хорошо знаешь, места нет. У свентанцев семьи растут, а землю под постройку домов им не дают, потому и живут в тесноте по углам. Городок маленький, всё внутри стен... А в посаде⁵⁷ только купцов заезжих устраивают, которые при необходимости всегда могут вожжи в руки взять, и укатить в любую сторону, да зьдунов⁵⁸ с каменотёсами, потому как глину и камни никто воровать не будет... И Феофан, когда сам туда заявился, порешил строить церковь на храмовой площади. Прямо против главных ворот храма Свентовита...

– Эта земля не принадлежит ни городу, ни мне... – сказал Годослав, и улыбнулся.

– Да, это земля храма... – подтвердил Ставр. – И никто не имеет права на неё покушаться. Тем более, для строительства другого храма, который желает насильно и грубо, как я понимаю дальние мысли Феофана, возможно и с применением силы, вытеснить из умов свентанцев Свентовита, к которому за много веков они сильно привязались...

– Да кто дал этому борову такое право? – спросил Дращко, слегка смущаясь радости Годослава, потому что не понимал её причину. – Король Карл Каролинг? Тогда это полное нарушение подписанного с тобой, княже, договора...

– Я думаю, это личная инициатива Феофана в ответ на то, что Карл сделал его аббатом. Но мы, кажется, не дослушали. Так что там дальше произошло, Ставр?

– Феофан в Свентане размахнулся во всю ширь своего необъятного брюха. У него мозги, я думаю, в брюхе и живут... Урчит там, похоже, сильно... Слишком уж мудрит... Везде, где ты, княже, разрешил, церкви построены деревянные. А в Свентане, пользуясь тем, что там запасов камня от богов много, и сами городские стены каменные, аббат решил и церковь каменную возвести. Привёз откуда-то чертежи. И начал подготовку... Колопас, верховный волхв храма, молча, как всегда, посматривал, как завозят строительные материалы. Ждал чего-то... Я, насколько знаю Колопаса, думаю, он ждал, когда всё завезут, чтобы это присвоить, а строителей прогнать вместе с проповедниками. Колопас всегда о хозяйстве заботился, и своего не упускал. А строителей он сам нанять сможет...

– Мудрое решение... – согласился Дращко. – За такие решения и уважаю Колопаса.

– Так же подумал и воевода Полкан, – продолжил Ставр. – Полкан тоже выгоду считать умеет, и ему камни для строительства новой башни нужны не меньше, чем Колопасу. И потому

---

⁵⁷ В период формирования феодальных отношений за городскими стенами начали образовываться выселки-посады, где жили работные и торговые люди. Только несколько веков спустя посады начали обносить стенами, а до этого они были беззащитными перед любым врагом.

⁵⁸ Зьдун (старослав.) – гончар.

решил верховного волхва опередить. Вывез все камни к воротам. И остальные приказал разгрузить там же. Рабочим, надо сказать, аббат Феофан уже заплатил. И Полкану искать денег не надо было. Вот он и запряг их на строительство башни. И вместе с рабочими, чтоб не скучали, проповедников из миссии туда же. А когда те убежать решили, он им ошейники соорудил, и посадил на цепи. Пусть во время работы проповедают. А то проповедовать хотят, а работать их не заставишь...

– Ай, да молодец! – воскликнул Дражко. – Ай, да Полкан! И что?

Улыбка волхва показала, что Ставр тоже доволен таким положением вещей. Да и Годослав слегка улыбнулся, одобряя.

– Уже месяц работают... С греческими купцами Феофану весточки отправляли. Мы купцов к монаху не допустили. Помогли им стороной Рарог минуть...

– К аббату не допустили... – поправил Годослав. – И сколько там человек работает?

Волхв возражать на поправку князя не стал, как не стал и поправляться.

– Восемьдесят рабочих, и двенадцать проповедников.

– А Феофан?

– На прошлой неделе ещё денег для рабочих с нарочным послал. Думает, строительство идёт полным ходом. Оно и идёт... Скоро закончат... А нарочный под мокрым снегом в дороге так, бедняга, промок, что в лихорадке лежит. А чтоб больным, себе во вред, в путь не отправился, его к стене цепью приковали. И через купцов весточку аббату послали, что слёг его нарочный уже пред обратным путём, но поручение выполнил...

– Что там за новая башня? – спросил Годослав князя-воеводу, и ласково отстранил от себя Гайяну, которая пыталась лапами ему на грудь взгромоздиться. – Очень она нужна?

– Башня между городом и рекой, почти на берегу. Если будет длительная осада, в городе может не хватить воды. Раньше воду могли брать изо рва, но после прошлогодних дождей в два месяца без перерыва там вода совсем зазеленела, и для питья дюже плоха...

– Болезни там живут... – сказал Ставр, поясняя. – Ту воду пить, всё равно, что врага за стены пустить... Очень нужна Свентане эта башня...

– Ну, если так, пусть Полкан её и строит... – согласился Годослав. – А что Феофан?

– Ждёт, когда строительство окончится. Думаю, освещать поедет или даже пригласит какого-то церковного сановника из королевства...

– Пусть ждёт... Башня – дело для нас более важное и более нужное. Пусть её и освещает... Вот плохо, что деньги аббат посылает королевские, и Карл потребует их с нас. Ещё хуже, что на цепь, будто псов, посадили проповедников. Этого Карл может не простить. Я вообще сейчас чувствую – что-то вокруг нас происходит... Вот-вот что-то начнётся... – слова князя Годослава вроде бы и говорили о его беспокойстве, но лицо при этом и интонация показывали его довольство создавшимся положением.

– Что начнётся? – напрямую спросил Дражко.

– Помнишь, как три с половиной года назад было?.. Тогда – с одной стороны Дания, с другой стороны – франки... И все до чужого добра жадные, голодные... И мы среди всех... И ещё бояре изнутри, как гнойный нарыв... Но тогда, как сейчас понимаю, всё было и страшно, и, в то же время, легко и просто, потому что вокруг были одни враги. А мы были со своим народом... А сейчас что?

– Народ и сейчас с тобой, княже, – сказал Ставр, но сказал едва слышно и не вполне уверенно. И волхв, и, конечно же, сам Годослав хорошо знали, как отодвинулся народ от своего князя, когда тот принял христианство и допустил по требованию Карла Каролинга в свои земли христианских проповедников.

– С народом я бы ещё смог договориться... Но франки понимают наш договор о вассальной зависимости только так, как им это выгодно понимать. С одной стороны, они роль друзей играют. С другой, стараются всё сделать так, чтобы я полностью власть потерял, и чтобы

всё закончилось, как, в конце концов, закончилось с герцогом Тассилоном. Тот тоже подписал с Пипином Коротким договор о вассальной зависимости. Но вассальная зависимость не говорит об отсутствии права на определение своей судьбы. Тассилон попытался судьбу Баварии решить по-своему, и за это поплатился. И нас пытаются всё сильнее и сильнее придавить. Бояре теперь сплошь в крестах... Пойдут их дружины против франков? А если я начну у бояр дружины забирать, всё будет преподнесено опять же так, как с Тассилоном. Скажут, что я бояр граблю, как герцог грабил своих баронов... Пошлю боярские дружины в бой, скажут, я специально их подставляю под удар, чтобы ограбить... А уж про налог для создания новых полков, что ты, брат Дражко, предлагаешь на бояр наложить, и говорить не следует... Вот так, ненавязчиво, но Карл обернул дело по-своему... Ну, да и Бог с ним... В какой-то степени это и нам руки развязывает...

– Какой именно «Бог с ним», с Карлом? – спросил вдруг Ставр.

– С Карлом пусть будет его Бог...

– А с тобой? – спросил Дражко, включаясь сразу в разговор, затеянный волхвом.

Годослав усмехнулся.

– Сначала я верну Карлу то, что должен по договору. Я обещал это своему другу графу Оливье. А обещания держать я привык, даже если что-то врагам обещаю. А потом мы будем вместе решать, как нам быть? Как мне быть...

– Я так и не понял, что произошло за время моего отсутствия, – Дражко явственно дал понять, как мало он ощущает ситуацию, но хочет в ней разобраться.

– Происходит... – поправил Годослав. – Происходит...

– Что происходит?

Годослав задумался, то ли с мыслями собираясь, то ли нужные слова подыскивая. Наконец начал, медленно выговаривая фразы:

– Ты давно видел в последний раз моего сына? – ему, стало заметно, трудно говорить.

– Перед отъездом. На коне его катал...

– В три года он ещё не произнёс ни слова... Мало того, он плохо понимает даже то, что мы ему говорим... У него нет разума... И он не может быть моим наследником. Это, надеюсь, ты знаешь уже хорошо. Думаю, во всём княжестве об этом говорят... А князь Додон особо старается, распускает слухи, что и я не совсем в себе...

– Князя Додона мы быстро на место поставим. А Рогнельда вот-вот родит тебе второго сына, брат, – Дражко положил руку князю на плечо, как только друг и брат может положить руку на плечо друга и брата. – Я специально старался успеть добить до этого события остатки войск Тассилона. Опоздать боялся...

– У меня вчера был волхв Горислав... Он говорит, что второй сын, скорее всего, мало чем уступит первому... Потому что Рогнельда... Потому что... Она помутилась разумом... Она не сможет родить наследника княжеского стола...

Пауза повисла в воздухе тяжело и ощутимо.

– И ты решил... – наконец, Дражко захотел услышать продолжение. В его мрачном вопросе почти не было слов, но Годослав понял всё и так.

– А я не могу избавиться от неё... Ты же понимаешь – всё, что случилось с Рогнельдой, случилось из-за преданности мне. Я не только князь, я ещё и человек...

– Чего же ты хочешь?

Годослав осмотрел собеседников печальными глазами.

– Мне нужна вторая жена⁵⁹. Следовательно, я не могу больше быть христианином...

– Ты, наконец, решился? – в голосе Ставра прозвучала откровенная надежда.

---

⁵⁹ Согласно ведическим традициям, славянский князь имел право иметь столько жён, сколько в состоянии был любить. Не «содержать», а именно «любить», что приятно отличается от мусульманских традиций многожёнства.

– Я хочу решиться... Не решился ещё, но хочу этого... Понимаю, как опасно злить Карла, но ссора с королём развяжет мне руки, и я подспудно добиваюсь этого. Не хочу ссориться по здоровом размышлении, но изнутри что-то толкает меня на эту ссору.

Годослав вдруг резко встал, и повернулся в сторону князя-воеводы.

– Скажи мне, брат, скажи... Как я должен поступить?

– Изгнание христианских монахов и проповедников однозначно будет означать новую войну с Карлом. Я сам бы, как истинный православный человек⁶⁰, с удовольствием занялся бы этим изгнанием, но мне нужен хотя бы год, чтобы сформировать полки конных стрельцов. Тогда Каролинг и вся его большущая армия поймёт, что сила не в количестве полков, а в их качестве. Подожди, брат, хотя бы год... Лучше, пару лет...

Князь сел устало. Его деятельной натуре требовался такой совет, который толкнул бы его немедленно к какому-то действию. Но ему опять предложили ждать. А ждать он уже очень устал...

– Ладно, оставим этот разговор «на потом»... У нас ещё один наболевший вопрос. Итак, Ставр, что делается на границе?

Волхв сердито переложил посох из одной руки в другую.

– Мы контролируем границу на всём протяжении. По одну, и по другую ее сторону. Изнутри, из Дании, то есть, тоже. Людей не хватает, но что-то всё равно видим. По моим данным, хотя внешне всё выглядит не так, даны на этот раз готовят не сухопутное вторжение, а оснащают флот. И концентрируют ватаги викингов близ Руяна. Они, думается, хотят захватить и отнять у нас остров... Но это будет, скорее всего, не раньше весны. Раньше Готфрид просто не успеет подготовить достаточно судов и войск. Да и зимние морские походы не всех воодушевляют. А до этого отвлекают наше внимание разными способами. То в одном месте границы покажут большой полк пехоты графа Ксарлуупа, то в другом. Но мы проверили. Они создают видимость большой концентрации войск по всей границе. А на самом деле гоняют одних и тех же воев с места на место, чтобы запугать нас, заставить снять подкрепление с Арконы⁶¹, и отправить его в Свентану...

– Что-то новое в тактике данов... – сказал Годослав. – Раньше они никого не боялись, никого обманывать не желали, просто выставляли полки, и шли в атаку. Должно быть, урок трёхлетней давности пошёл им впрок...

– Неужели у них появился хороший полководец... – с усмешкой сказал Дращко. – Кто-то же придумал всё это?

– Это я могу сказать точно... – теперь голос волхва понизился заметно. – Всей подготовкой руководит герцог Трафальбрасс!

– Но он же, как я слышал, после турнира попал в большую опалу, – удивился князь-воевода.

– Должно быть, сумел договориться со своим двоюродным братцем Готфридом. Что-то пообещал ему... – предположил Ставр. – А пообещать он может только победу над нами, иное его не спасёт. Герцог мечтает отомстить за свой прилюдный позор.

– Мститель... – презрительно сказал, без радости в голосе засмеявшись, Годослав. – Я теперь иногда жалею, что тогда, на славном турнире в Хаммабурге, нам не пришлось скрестить оружие с герцогом. У меня была в руках очень хорошая боевая рогатина... И сейчас бы у нас было гораздо меньше проблем. Даны, как всегда, успевают не ко времени. И герцог Трафальбрасс не ко времени появляется. Они очень отдаляют меня от намерения перестать чувствовать себя вассалом Карла, и, в первую очередь, чувствовать себя христианином.

---

⁶⁰ Согласно верованиям славян, мир состоял из Прави, Нави и Яви. Ведические славяне называли себя православными задолго до принятия христианства, потому что «славили Правь», то есть, «жили по Правь», согласно с высшими божественными законами.

⁶¹ Аркона – столица острова Руян (Буян).

– Кстати, хорошо бы Карлу сообщить о происках Готфрида. И, если Карл не отреагирует, и не поспешит с помощью, тогда можно будет с чистой совестью винить его в нарушении вассального договора, – предложил Дражко.

– А если поспешит? Хотя, этот вопрос следует хорошенько обдумать...

Глава пятая

Долгая и скучная дорога через Ладогу утомила назойливым сырым ветром, гуляющим по льду. И казалось, что этому однообразному передвижению конца не предвидится. И потому все обрадовались, когда показался лесистый противоположный берег, а от него, подавая условленный сигнал, выехала группа дружинников посланной Буривоем разведки. Путь свободен. Дальше уже ехать предстояло вдоль Волхова, но не по руслу реки, что очень долго, а напрямую, через леса и болота, по дороге, традиционно называемой «зимником», срезая путь. Летом эта дорога становилась непроходимой ни для пеших, ни для конников.

Первая ночёвка была устроена в малом острожке рядом с сирнанской деревушкой, жители которой старались не ввязываться в войну двух сильных соседей, и занимались только своим промысловым делом, добровольно платили ясак⁶², и, казалось, забот окружающего мира знать не хотели.

На следующий день пути сильно потеплело, словно не зима на улице только-только собирается полностью в права вступить, а будто бы весна зиму уже торопит. Так пахло талым снегом, так светило солнце. Во второй половине дня проезжая дорога миновала болото, поросшее густыми, покрытыми поверху снегом кустами. Здесь издавна били три тёплых, незамерзающих даже в самую лютую стужу ключа с неприятной по запаху, но целебной водой, которой дружинники порой омывали свои раны. К началу этой зимы, пока ещё необычайно тёплой, ключи тем паче не замёрзли. И прямо под копыта лошадей и лосей, и под полозья саней, в которые лоси были впряжены, из болота к реке, слившись из трёх в единый, плоским зеркалом стекал, паря в воздухе, тихий и нешумливый ручей. Никакого селенья, ни самой захудалой деревеньки, ни ватажьей охотничьей избушки рядом не было, и даже маленький бревенчатый мостик, как это делают в местах более обжитых, никто здесь соорудить не догадался. Мало ли ручьёв пересекают дороги на необъятных просторах северных земель...

Единственный местный житель, обосновавшийся в здешних краях давно, дорогой этой, проложенной большей частью воинами, охотниками, и купцами, промышленяющими рухлядь⁶³ и серебряной рудой, мало интересовался. Он вообще редко покидал небольшую утоптанную окрестность своего жилища, огороженного не сплошным, и местами покосившимся частоколом из ошкуренных, и уже черных от времени осиновых брёвен, в то время, как к нему самому, приходили и приезжали люди совершенно, порой, незнакомые со своими надобностями и бедами. Они же и пищей его снабжали, поскольку сам поселенец не держал даже простого огорода, и даже охотой не промышленял, потому что вообще не ел мяса.

Дикий край... Тем не менее, маленький караван, состоящий из полутора десятка воинов и двух саней, несмотря на то, что предводитель его недавно только откровенно спешил, бросая порой недовольный взгляд через плечо на сани, которые не могли ехать так же быстро, как верховые лошади, ход сбавил. И, миновав ручей, остановился под горой, где от дороги взбиралась по лесистому склону не слишком и протоптанная тропа.

Предводитель отряда легко соскочил с седла, показывая перед передними санями свою молодецкую удаль, и протянул руку молодой женщине, ступившей из саней в снег.

– Пойдём, Прилюдушка... Нас здесь ждите! – добавил, обращаясь к сопровождающим их дружинникам.

– Княжич, а возьми-ка меня с собой... – не слишком просяще, и даже слегка требовательно, сказал человек из вторых саней.

Гостомысл, а это был именно он, обернулся в раздумье.

---

⁶² Ясак – дань, налог.

⁶³ Рухлядь – пушнина.

– С нами хочешь?..

– Я давно к нему хочу. Всё ноги не доносили. Раз уж поехал, было, конь споткнулся, захромал... Второй раз случай подвернулся, поехал, с дороги по делу вернули... И теперь не знаю уж, доберусь ли когда... – и он показал себе за спину, намекая на причину, по которой он неуверен в своём завтрашнем дне.

– Рачуйко, Светлан, отпустите его... Пусть с нами идёт... – распорядился Гостомысл, и два конных дружинника, постоянно едущие позади вторых саней, неохотно подняли опущенные в сторожевое положение копыя.

– Княжич, – не слезая с коня, сказал сотник Бобрыня, – с ним бы стражу посылать след... Пленник усмехнулся.

– Я могу слово положить, что не попытаюсь бежать, и не предприму ничего против княжича и его молодой жены, – молодой жене пленник, такой же молодой, даже слегка и с уважительной улыбкой поклонился.

– Ловкач какой, этот Вильчан... – хмыкнул Бобрыня. – Думаешь, поверить ему?

– Варягу, княже, верить... – сказал в сомнении и Рачуйко, молодой, и по-молодости безбородый ещё дружинник из-за саней с пленником, и пошевелил копьём, готовый снова опустить остриё. – Себе покой дороже...

– Мы ему верим... – за мужа неожиданно ответила Прилюда, и первой шагнула на узкую тропу, не сомневаясь, что ее мнение учтется.

– Верим... – с улыбкой подтвердил Гостомысл, взял с первых саней мешок, завязанный кожаным шнуром, и шагнул за молодой бойкой женой. И уже с тропы сделал знак пленнику, которого стражники так и звали Вильчаном, поскольку княжич никому не показал, что за человека они везут и зачем. Он даже пленнику не сказал, куда едут, и тот оставался пока в полной уверенности, что конечный пункт назначения маленького каравана – столица словен Славен, где за крепкими городскими стенами его, скорее всего, и будут держать. Почему будут держать там, непонятно, потому что никто не сказал ещё вслух, что он опознан.

Пленник легко вылез из саней, словно бы и мороз ему конечности не сковывал, и пошёл следом за княжичем, вежливо отставая на четыре шага. Маленькая кавалькада в подступающих сумерках быстро скрылась среди деревьев.

– Рачуйко, Светлан... – распорядился сотник Бобрыня, проводив княжича с женой и пленника взглядом. – По дороге, вперёд... Там под деревьями станьте, чтоб сверху не видно было... У скалы, знаете где... Вечер скоро... Мало ли, по сугробам бежать решит... Ежели что, слегка подколите под спину, пониже, но – слегка, чтоб ходить не разучился, и чтоб княжича с княжной не сердить...

Последнее добавление относилось к Светлану, угрюмому дружиннику с недобрым взглядом из-под косматых бровей. Сотник знал, кому и что говорить следует особо. Конные дружинники молча дернули поводья, и лошади быстро унесли их вперёд.

– Телепень... – послал сотник взглядом ещё одного дружинника. – Спешься, пойдти за княжичем, но близко не подходи... Спросит что, сам, мол, хотел к старцу наведаться. Свое спросить, да не решился попроситься.

Высокий сильный вой на низковатой для его роста лошади легко соскочил на тропу, словно со ступеньки спустился, одним привычным движением поправил на себе всё оружие и доспех, и ходко двинулся кверху, широко расставляя длинные ноги. С такими ногами можно быстро любого догнать даже в самых высоких сугробах...

* * *

Внутри частокола располагалось небольшое и не создающее впечатления величия капище. И только у самого прохода внутрь ограды стояла тесная, кривоватая с одного угла,

рубленная избушка, где и жил единственный постоянный житель здешних мест. Длинноусый и, как все славянские волхвы, безбородый⁶⁴ старец⁶⁵ Вандал в этот день зажёт в капище сразу три костра, переходил время от времени от одного деревянного идола к другому, и подкладывал в пламя небольшие сухие полешки. Старцем его называли не потому, что он был очень стар, просто всех отшельных волхвов, удаляющихся от людской суеты подальше, чтобы легче и чаще общаться с богами без помех, называли в народе старцами, так, скорее, уважительно именуя мудрость.

Уже загодя, зная, что к нему идут гости, то ли слыша их, то ли предчувствуя, Вандал вышел к проёму в частоколе, куда подводила путников поднимающаяся в гору тропа, чтобы встретить тех, кто нуждается в его совете и помощи, и остановился, прислонившись плечом к стене своей избушки. Прислонился не потому, что стоять ему было трудно, а только лишь по причине узости проложенной в снегу тропы, где двум людям разойтись проблематично.

Не нуждающиеся в советном слове или в помощи, сюда обычно не приходили. Это в больших городских и общинных капищах, в храмах – там появляются и просто любопытные. Сюда же путь слишком долог и опасен, и из-за праздного любопытства преодолеть его никто не будет, а особенно во время военное. И именно потому Вандал удалился в такую даль. Тем не менее, пришедших, нарушивших его уединение, всегда встречал без недовольства и со смирением. Внешне он не выглядел ни суровым, ни добродушным, ни равнодушным. Вандал всегда был спокоен и уверен в том, что знает всё, что ему хочется знать. Но говорил людям, к нему приходящим, только то, что находил нужным сказать, и не более. И это его спокойствие переселялось в людей, давало им уверенность, что волхв всегда говорит правду.

Гости поднялись к частоколу.

Вандал посмотрел сначала на идущую первой Прилюду, потом на Гостомысла, поддерживающего Прилюду под локоть, и отставшего на полшага, потому что узкая тропинка не позволяла идти рядом, потом взгляд волхва перешёл на Войномира, и, не больше чем на секунду, на лицо старца набежала хмурица. И вдруг он быстро глянул на небо, на облака, словно что-то там увидел, и заговорил. Голос его был одновременно высок и тих, и при этом странно нетороплив:

– Я ждал тебя, Гостомысл, вместе с молодой женой ещё несколько дней назад. Почему ты тогда отложил поездку в Славен?

И первым прошёл внутрь капища, где разговаривать удобнее, чем в проходе.

У Прилюды глаза от вопроса округлились.

– Боги всё сообщают Вандалу? – спросила она, слышавшая много историй о всезнающем волхве, наивно и с удивлением.

– Нет, просто у меня был проездом дружинник из вашей крепости, которому я дал трав от грудного стеснения. Он и сказал, когда Гостомысл собирается ехать, и сообщил, что он намеревается ко мне непременно заехать, – волхв, отвечая, даже не усмехнулся наивности княжны. – Но сегодня боги сказали мне правду, и я зажёт три костра – для каждого по его надобности. Так почему ж вы задержались?

– Отец чувствовал себя плохо, – чуть-чуть оглянувшись через плечо на подходящего Войномира, тихо ответил княжич. – Его сильно беспокоит осенняя рана. Кость плохо срослась. Ходить больно... Ночами не спит...

---

⁶⁴ Славянские волхвы, как говорят предания, брили бороду, продолжая северную гиперборейскую традицию, согласно которой гиперборейцы бороду никогда не носили. Этим и отличался гиперборейский бог древнегреческого пантеона Аполлон от других олимпийских богов, имеющих бороды. В период насильственного крещения Руси князем Владимиром и даже в более поздние времена пострадали и были убиты многие люди, которые бороды брили, поскольку их принимали за волхвов.

⁶⁵ Далеко не каждый волхв, удалившийся от мирской суеты, мог назваться старцем. Старец – это вообще не обязательно волхв. Старцами в славянских княжествах считались мудрые люди знатного сословия, состоящие советниками при князьях. Правда, часто такими княжескими старцами были именно волхвы. А удалившийся от людей, чтобы они не мешали ему общаться с богами, старец-волхв пользовался особым уважением. К нему за советом ездили издалека, в том числе и князья. Как правило, такие старцы обладали даром предвидения и исцеления, и пользовались большим уважением в народе.

Волхв согласно закивал в такт словам, и тоже ещё раз глянул за плечо Гостомысла.

– Я так и думал, я так и думал... Рана у него нехорошая... А это значит, что тебе след торопиться с этой большой поездкой... Очень торопись... Нигде не задерживайся... Успеть надо... Ты, надеюсь, хорошо попрощался с отцом?

Гостомысл плечами повёл, хотя сам вопрос ему не понравился, словно что-то таил в себе, некую непонятную угрозу.

– Обычно... Он проводил меня до ворот, и мы поехали...

Вандал опять слегка покивал головой, глядя не на княжича с княжной, а словно сквозь них слегка рассеянно, и будто бы видел перед собой картину прощания.

– Тогда, тем более, тем более след торопиться... Будь готов к тому, чтобы проститься с ним... Перун любит сильных людей и долго ему покровительствовал, но у Перуна много разных забот, и он не всегда досматривает за всеми. Особенно, если люди не напоминают ему о себе. Перун отвлечётся, глядишь, Мара рядом оказалась... Будь готов... Уже скоро...

– Отец так плох? – в вопросе не было ни недоверия, ни беспокойства. Это был просто разговор, который потом предстоит обдумать.

Старец голос понизил до шёпота.

– Плох... Он сам ещё не знает этого... Но у него горячка в крови, и её вывести нельзя. Поздно уже выводить, когда Мара печать наложила... И ты должен успеть вернуться и проститься, иначе всех словен ждёт неведомо что... Может быть, и беда, да, беда... – впечатление складывалось такое, словно Вандал прислушивается к какому-то внутри у него звучащему голосу, и передаёт, что услышит.

– Беда? – словно не понял Гостомысл, о чём говорит Вандал.

Старец жестом остановил Войномира, желавшего подойти ближе, а сам взял под руку княжича, и отвёл в сторону. Прилюде идти за ними не запретил.

– Отец должен передать тебе что-то важное... Это – «заветное слово»... Но если не услышишь «заветное слово», может прийти беда для твоего народа... Ни сегодня, ни завтра, но потом... Только это «слово» зная, ты с бедой совладаешь... Ты – будущий князь... Ты должен услышать «заветное слово»... Торопись...

Гостомысл, глядя на волхва, раздумывал с минуту.

– Я понял, Вандал, – сказал, наконец. – Ты знаешь, куда я еду?

– Ты давно туда стремишься. Об этом уже люди говорят, и мне, заглянув по надобности, рассказывают. Они думают, тебя туда тянет женщина, но я могу твоей жене сказать, что это не так. Ты сам ещё не знаешь, что тебя тянет туда. Но скоро и это узнаешь... Будь готов заключить договор с другом, и этот договор будет очень много значить для твоих соплеменников в будущем. Но береги себя... На твоём пути прямая опасность, но идёт она не издалека, а изнутри, из твоего отчего дома. Сразу ее рассмотреть трудно. И потому просто будь осторожен.

– Опасность из дома? – не понял Гостомысл.

– Поберегись... И поторопись...

Княжич подправил под меховым плащом рукоятку меча.

– Главное, что я хотел спросить – моя поездка будет успешной? И можно ли молить богов, чтобы они сделали её такой?

Вандал опять закивал головой.

– Богов молить всегда нужно, и они всегда откликнутся на твои просьбы, но нам не дано знать, что в их глазах выглядит более правильным. То, что тебе может показаться неудачей, на деле окажется самым лучшим из всего возможного. Возложи дары Родомыслу, он даст твоей голове ясность... А ты... – волхв, обращаясь к молодой княжне, показал глазами на следую-

щий костёр – Поклонись Ладе⁶⁶... Она поможет тебе подружиться с детьми твоего мужа, и ты станешь им хорошей матушкой... Это же то самое, о чём ты беспокоишься?..

Прилюда покраснела во все румяные с ветра щёки, и усердно закивала.

– То самое, Вандал...

– Хорошо всё будет... Учти, что старшая дочь сначала не будет принимать тебя. Набери терпения... Потом она станет твоей помощницей, но ненадолго. Ей скоро в дальний путь отправляться. Поклонись Ладе...

Прилюда торопливо заспешила к женскому истукану, украшенному настоящими женскими украшениями, сняла из-под распахнутой шубы янтарное ожерелье, и тоже, как делают это другие женщины, положила на принимающий дары пень.

Гостомысл в это время с лёгкой неприязнью во взгляде обернулся к подошедшему всё же пленнику, который частично слышал разговор, для него не предназначенный. И после этого на Вандала тоже прямо посмотрел, словно спрашивал, как ему с князем Войномиром поступить.

– Он тебе не помешает, – волхв ответил на немой вопрос, слово мысли услышал. – У него своя жизнь, и совсем иная. Ему предназначено в другом мире жить, и другими заботами. Там он станет своим. И никогда не будет тебе мешать.

– Иная, говоришь, жизнь? И что ты мне про эту жизнь скажешь, старец? – поклонившись с уважением, спросил, в свою очередь, князь Войномир. – Извини, даров я тебе не принёс, потому что пленник ничего не имеет, кроме одежды. Да и та чужая...

И даже Гостомысл остановился, чтобы услышать ответ волхва.

– Ты едешь далеко, и путь твой далёкий будет увенчан человеческой и воинской славой. Не слишком скорой, не завтрашней, но не пропусти момент, когда Сокол-Рарог⁶⁷ позовёт тебя. Зов услышишь, иди, и не сомневайся... Сейчас Ляду⁶⁸ поклонись, а потом, в другом месте, где тебя ждут, хотя пока и не знают о твоём приезде, вознеси дары Свентовиту⁶⁹... Он станет скоро твоим новым покровителем...

– Свентовит? – удивился Войномир, и в голосе его отчётливо проявилось недоверие. – Свентовит слишком далеко... Мне нет пути в те края, и дел там для себя я не вижу...

– Станет... И твой путь долог... К нему... В другое место ты попасть уже не можешь, иначе Карны⁷⁰ будут оплакивать тебя... И всё... Всё! Вам надо быстрее ехать... Быстрее, и не жалеете коней, если жалеете себя... – волхв вдруг заторопился, словно что-то увидел или услышал, и желал поскорее избавиться от гостей.

* * *

Мягко стучали по снегу подкованные копыта лошадей маленького отряда. Долгим звуком поскрипывали на начинающемся морозце полозья саней, продавливая неплотно слежалый снег. И всю дорогу из головы Гостомысла не выходили слова старца-волхва о «заветном слове». Что это за такое «заветное слово», он никак не мог понять. И почему отец должен сказать его только на смертном одре. Если бы старшие братья должны были когда-то это слово услышать, наверняка о нём бы знал и сам Гостомысл. Преимущество княжеской власти, следовательно, от этого не зависит. Здесь что-то другое. Но вот что?..

«Заветное слово»...

---

⁶⁶ Лада – богиня, покровительница домашнего очага, супружества, семейного счастья.

⁶⁷ Сокол-Рарог – воплощение Огнебога Семаргла, главы небесных воинств.

⁶⁸ Ляд – бог храбрости, мужества и даже бессмертия. Управлял воинскими действиями и кровопролитными битвами.

⁶⁹ Культ Свентовита (в другом звучании – Святовита) практиковался среди балтийских, и вообще западных славян.

⁷⁰ Карны – богини печали.

Лошадей гнали и гнали, не жалея, как и посоветовал на дорогу старец Вандал. Тормозили движение лоси, но их подгонять было бесполезно, потому что лесные великаны и без того уже показывали невиданную раньше прыть, словно сами знали, что им необходимо торопиться. Только в вечерней, уже сгустившейся темноте, подъезжая к крепостице Лосиный брод, где стояли на зимовье, перекрывая дорогу и сохраняя дальние подступы к Славену, три сильных сотни дружинников-словен, Гостомysl понял, почему же так торопил их старец-волхв Вандал. Уже у открытых ворот, остановившись вместе с сотником Бобрыней, чтобы, как и положено старшему в отряде, сначала пропустить остальных, и только потом заехать в стены самому, он вдруг услышал приносимые ветром издали возбуждённые голоса, топот копыт и звон кольчуг. Два десятка всадников-словен догнали их, и остановились рядом. Кони парили дыханием и крупом после быстрой скачки.

– Поторопись, княже... – сказал кто-то из отряда высоким голосом.

– Быстрее, быстрее, в крепость... – теперь Гостомysl узнал и голос старого воеводы Военга, раздавшийся с привратной башни. Военг, друг и наставник младшего брата Вадимира, и к старшему брату всегда с теплом и добром относился. – Варяги близко... Стрельцы на стену!

Последние слова относились уже не к только что прибывшим, а к своим дружинникам. Прибывшие всадники въехали в крепостицу вместе с княжичем. Ворота начали было со скрипом прикрываться за вторыми санями и за замыкающими воинами, когда с башни раздались звучные жёсткие удары. С детства привычный к войне, Гостомysl хорошо знал эти звуки – так только тугая жильная тетива лука бьёт по защитному костяному щитку⁷¹. И так сильно бьёт, что из-за этого звука не слышно первоначального свиста от полёта самой стрелы.

– Успели... – тот же высокий голос, казалось, сказал с облегчением. – Примите раненых...

Звук с башни показал, что ещё несколько стрел сорвались с луков, чтобы улететь в темноту и наградить кого-то смертью. Стрельцы не любят без толку тратить стрелы, и отпускают тетиву только тогда, когда видят противника или хотя бы его тень, а по тени определяют уже, где сам противник находится. Гостомysl прислушивался к звукам, доносящимся из-за ворот. Но седобородый воевода Военг уже сам спустился к княжичу. Однако, прежде, чем подойти, обменялся несколькими словами с предводителем прибывшего отряда, и тут же тихо отдал другое приказание одному из своих сотников.

– Здравствуй будь, Военг, – первым поздоровался Гостомysl со старым соратником и добрым другом своего отца.

– И ты на годы здрав будь, – ответил воевода.

– Что случилось?

– Варяги, княже... Опять варяги... Сейчас отгоним...

Перед воротами, выполняя приказание воеводы, уже собралась конная сотня, быстро поднятая в седлю. Ворота опять натужно закрипели, открываясь, дружинники, оцетинившись копыями, с зычным гиканьем, коней и себя подгоняя, быстро покинули крепость.

– Откуда они здесь?

– Тебя преследовали.

– Меня?

– Как только о твоём проезде сообщили, я выставил в засаду два десятка воев. Тебя они пропустили, а варягов атаковали. Тех с полсотни было... Потом сами еле оторвались...

– Значит, и завтра преследовать думают... Ещё полусотня у них наверняка для этого припасена... – скорее, сам себе сказал Гостомysl в раздумье, и поправил меч у пояса.

---

⁷¹ Костяной щиток – дощечка из кости, надеваемая стрельцами на кисть левой руки, чтобы защитить кисть от удара тетивы. Сила натяжения сложного славянского лука приближалась к девяноста килограммам, и множество таких ударов без щитка не выдержала бы ни одна рука.

- Наверняка будут... – согласился воевода. – Я дам тебе в сопровождение сотню.
  - Тогда, боюсь, они две сотни найдут... Только людей зря положим...
  - Едва ли, откуда двум сотням здесь взяться, – Военег в сомнении пожал плечами. – Здесь Славен близко. Наша сторона Ильмень-моря... Они здесь больших сил не держат.
  - Эти, что за нами шли, тоже, похоже, не отсюда, эти из-под Карелы...
  - Думаешь, так?
  - Так, думаю... За ними и другие пойти могут. Есть у них причина...
- Подошла молодая княжна. Скромно поклонилась воеводе, чувствуя в нём не простого воя, а человека влиятельного, и повернулась к мужу:
- Где нам устраиваться?
  - Я отвёл покои... – сказал Военег, откровенно и с добродушной улыбкой любуясь Прилюдой. – Не княжеские, конечно, не взыщи уж, княжна-красна, но хотя бы отдельные. Кое-кто такие покои может чуланом назвать, но других мы в привычках своих воинских не имеем. Крепостица мала, у нас все вместе спят...
  - Подожди-ка с устройством... – Гостомысл оглянулся, посмотрел на спокойное, невозмутимое лицо пленника, стоящего неподалёку, и решил. Повернулся к Военегу.
  - Дай нам, пожалуй, двух коней. Княжна и пленник сани бросят... Сейчас едем, сразу... Варяги такого не ждут... И сразу не хватятся...
  - И то правильно, – согласился воевода. – Я тож предложить думал, но, смотрю, княжна в пути дюже притомилась...
- Прилюда подняла раскрасневшееся на дорожном ветре лицо.
- Поеду, коли надо...
  - Тогда и едем, – решил Гостомысл окончательно. – Славен рядом. Там и отдохнём...

Глава шестая

И сам Годослав, и князь-воевода Дражко, и даже Ставр – все они хорошо знали неустойчивое положение, в котором находится княжество в настоящее время. Хотя со стороны казалось, что власть Годослава крепка, как никогда. Боярский совет после недавних жестких мер не восстановил свои силы, и противопоставить себя власти Годослава, как думали многие, не в состоянии. И воинские силы у княжества в наличии, как казалось с той же стороны, немалые. И все это благодаря поддержке короля Карла Каролинга, которому князь присягнул в верности. Годослав, Дражко и Ставр знали действительное положение вещей гораздо лучше, чем знали его бояре-советники, всегда готовые перебежать с одной политической стороны на другую в поисках выгоды, знали лучше, чем дружинные воеводы, готовые по слову князя встать на границах стеной, и освободить проход только тогда, когда остановится в жилах кровь. Полной информацией о действительном положении вещей обладали только они трое. А все остальные могли только предполагать, и судить по своему усмотрению с отклонениями в ту или в иную сторону. Однако то, что кажется абсолютным со стороны, не всегда соответствует действительности, поскольку не бывает совершенного абсолюта даже при самом наилучшем расположении сил.

За те три с половиной года, внешне тихо минувшие со времени, когда дружины бодричей, во главе с опасно раненым кинжалом наёмного убийцы князем-воеводой Дражко, подавили мятеж бояр, и нанесли своим сильным и грозным северным соседям серьёзное и унижительное поражение, наголову разбив две их армии⁷², угроза датского вторжения как-то поутихла, и не поднималась всерьёз даже в разговорах. Этому способствовало всеобщее мнение, что князь Годослав пользуется полной поддержкой и даже дружбой второго сильного соседа, закатного⁷³, которому, в сравнении со всегда дикой и необузданной Данией, многие отдавали предпочтение при раскладе европейских сил. Более того, князь даже признал ограниченную вассальную зависимость от короля франков Карла Каролинга Великого, и даже настоял, после длительных переговоров, чтобы в договоре фигурировало понятие «ограниченная зависимость», чего Карл ранее всегда избегал, имея возможность добиться своего трактования силой оружия. Все соседи считали, что Карл, в случае откровенной датской угрозы, немедленно готов помочь Годославу и войском и своим авторитетом. Должно быть, так же в первое время считали и при дворе Готфрида Датского Скьёлдунга, потому что не в манерах диких данов оставлять поражение, которое им казалось случайностью, безответным. Тень Карла Великого распространялась на всю континентальную Европу, и охраняла рубежи бодричей. Но лишь немногие посвящённые во взаимоотношения двух властителей знали, что это только тень, и никак не более.

Правда, в первый год дело обстояло именно так, как казалось со стороны. Даны, чтобы не совсем потерять к себе уважение, время от времени делали воинские телодвижения, и стягивали к границе с бодричами свои полки. Так они проверяли реакцию противоположной стороны. И по приказу Карла на датскую границу немедленно выдвигались полки франков из близкой Саксонии, усиленные отрядами саксов, которых Готфрид ранее поддерживал, но которых потом бросил на произвол судьбы, носящей имя Карла Великого. Это сдерживало агрессию, поскольку датское королевство не решалось начать войну с королевством франков, точно так же, как сами франки не решались начать войну с Данией – исход такой войны никто не смог бы предсказать, и рисковать всем, чего добились за многие годы, не желали ни Карл, ни Готфрид. Но королевство франков, к тому времени ещё не назвавшее себя Священной

---

⁷² Действие первой книги.

⁷³ Закатного – западного.

Римской империей⁷⁴, имело слишком обширные собственные границы, и великое множество беспокойных несговорчивых жителей, которые только и думали о том, как вырваться из тяжёлых лап двух франкских леопардов и не попасть под их молоты⁷⁵. И потому Каролинг не мог заниматься решением только лишь проблем маленького, хотя и, благодаря своему географическому положению, стратегически важного княжества. Да и войска, постоянно расквартированные в Саксонии, снова стали там же, на местах, насущно необходимы, поскольку саксы народ не менее дикий, чем даны, и такой же неуступчивый, и не любят чувствовать над собой чужую сильную управляющую руку. И этим войскам теперь было уже совсем не до помощи восходному соседу. Тем более, что восходный сосед совсем не рвался сделать то, что хотел увидеть Карл и его окружение, где не последнее по влиятельности место занимали высокие церковные сановники. Разработанная одним из умнейших помощников короля, учёным аббатом Алкуином система ненасильственного распространения христианства, основанная на примерах проповедей первых апостолов, действовала, но давала не слишком зримые результаты. Алкуин, как довод, приводил в пример проповеди Павла: «И я, братья, не могу говорить вам, как существам духовным, но как плотским. Подобно младенцам во Христе, я предложил вам напиток молока, а не твердую пищу. Вы бы ещё не возмogli, да и теперь ещё не можете». То есть, аббат предлагал обращаться с новообращёнными и теми, кого планировалось обратиться, мягко, питать их материнским молоком, а не хлебом⁷⁶, готовить нравственно, прежде, чем принимать в церковное лоно. Тогда, по мнению Алкуина можно было бы избежать того, что произошло с саксами, которые после проповеди в церкви отправляются в свои священные рощи, чтобы принести жертвы Вотану и другим прежним богам. Но Карл был человеком нетерпеливым, и имел обыкновение, когда время затягивало развёртывание событий, доказывать свои аргументы не только логическими доводами и разумными уговорами, но и ударами тяжёлого копья, остриём которому служил воинственный монсеньор Бернар, дядя короля. К тому же Карла очень толкали к такому поведению окружающие, особенно, когда рядом не было Алкуина, и некому было простым рассуждением повлиять на действие. Окружающих понять тоже можно – они всегда были голодны, как любимые королевские волкодавы, и всегда искали, что и где можно ухватить. В уже завоёванных странах Карл учреждал закон и порядок, чем очень гордился. При таком положении, там ухватить ничего не удавалось. А вот когда только начиналось завоевание, тогда грабитель считался героем, и получал не только богатство, но, с благословения Римского Папы, и почести, и славу.

И непонятное положение богатого княжества бодричей многим покоя не давало. Карл, выслушивая своих советчиков, порой начинал вслух сожалеть, что послушался доводов аббата Алкуина, и подписал непростительно мягкий договор с бодричами. И только от него одного зависело, когда доводы аббата вообще перестанут на короля действовать. А для этого нужно было немного – нужно было только доказать активное противодействие бодричей принятию христианства. То, что христианство принял князь бодричей Годослав, не значило ровным счётом ничего...

⁷⁴ Это произошло только через четыре года после описываемых событий.

⁷⁵ Франкские леопарды – на гербе Карла Великого были изображены два леопарда, разбивающие боевыми молотами башню замка. Потомки от этого герба отказались, поскольку учредил его дед Карла Великого – Карл Мартелл по прозвищу «Боевой молот», который был только лишь майордомом при короле. Следовательно, герб этот нельзя было считать королевским.

⁷⁶ Письмо Алкуина Карлу, числящееся в каталогах под именем «Ad domnum regem», было написано через несколько лет, и касалось проповедей христианских миссионеров в завоёванном тогда Аварском каганате. Алкуина тогда уже не было рядом с королём, он удалился в Турень, где основал новую школу в монастыре св. Мартина. Во время же похода против саксов и бодричей в 785 году, Алкуин находился рядом с королём, и, по допущению автора, вполне мог влиять на подписание необычно мягкого договора Карла с бодричами во всём, что касалось принятия христианства. Алкуин утверждал, что принимать крещение можно, только будучи готовым к этому духовно, и ни в коем случае не насильственно. Учение Алкуина через несколько веков возьмёт на вооружение зародившееся протестанство, и введёт обряд конфирмации, то есть, будет крестить детей только по достижению ими возраста созревания сознания.

* * *

Князь-воевода распрощался с Годославом и с волхвом Ставром, который, в дополнение к пригляду своего учителя отшельного волхва Горислава, решил сам взглянуть на княгиню Рогнельду, и пошёл к ней вместе с князем бодричей. Дражко же отправился навестить свою матушку, которая в последние полтора года по болезни ног не могла ходить, но жила по-прежнему в правом крыле Дворца Сокола, отведённом Годославом для князя-воеводы. Престарелую княгиню-мать, родную старшую сестру матери князя Годослава, конечно же, давно предупредили о приезде сына, и она ждала его с нетерпением.

Пожилая болгарка Додола, бывшая рабыня матери, срок рабства которой истёк уже два десятка лет назад⁷⁷, встретила князя-воеводу в дверях.

– Ждёт она, ждёт... Поторопись... Не волнуй её... – по-свойски подтолкнула она Дражко под бок, чтобы он ускорил шаг.

– Дражко, что ли, пришёл? – из-за занавески спросила княгиня-мать.

Голос, подкреплённый надеждой, хотя всё же слабый, показал, как мать обрадовалась.

– Это я, матушка, это я... – Дражко постарался говорить не громко, как и полагается, как ему казалось, говорить рядом с больными. Точно так же и в его присутствии говорили, когда он три года назад лежал после раны, нанесённой рукой боярского наёмника-убийцы, и мать, тогда ещё ходячая, ухаживала за ним.

– Хвала Свентовиту! Дождалась, значит... Иди сюда, иди ко мне... – княгиня облегчённо и шумно вздохнула.

Додола откинула тяжёлую льняную занавеску.

Когда Дражко уезжал с полком в Баварию, княгиня-мать провожала его в той же комнате, сидя в кресле у окна, и он издали помахал ей на прощание рукой. Сейчас и кресла этого в светлице не оказалось. И весь стол перед пологом заставлен многочисленными глиняными бутылочками с лекарствами и мазями. Значит, княгиня-мать теперь и с постели не встаёт.

– Присядь-ка рядышком, присядь, сынок... – попросила мать.

Лицо её выглядело прежним, только в цвете кожи значительно добавилось неживой восковой бледности, и в глазах не стало заметно былого желания покомандовать. Этого же желания не услышал Дражко и в голосе.

– Извини, мама, что не сразу к тебе прошёл, – Дражко поцеловал мать в покрытый болезненным потом лоб, и присел на краешек широкой внешней скамьи, застланной перинами⁷⁸. – Дела княжества... Сначала доложил Годославу и боярам, потом князь побеседовать наедине захотел. А как только освободился, сразу к тебе...

– Я понимаю, сынок, я понимаю... Ты не последний человек здесь, чтобы сначала своих навещать, а потом уж делом заниматься. И то хорошо, что приехал вовремя. Я убоялась уж, что не дождусь... А теперь, как свиделись, спокойнее стало... Без боязни последние денёчки доживу. Не так много их у меня осталось, хотелось бы в покое...

– Что ты, мама, тебе покидать нас рано, – возразил Дражко.

---

⁷⁷ Рабство у славянских племён длилось не более десяти лет. По истечению этого срока раб считался свободным (хотя в некоторых славянских племенах, например, у поляков, он свободу должен был себе выкупить), и по желанию имел право отправиться домой или мог остаться в семье полноправным её членом, если, конечно, члены семьи не были против. Среди некоторых восточнославянских племён, как утверждает Егор Классен (1795–1862 гг.), рабство захваченных в походе пленников длилось только до прибытия славян в родную землю. Там раб становился свободным, и мог возвращаться к себе, если имел такую возможность, а мог остаться жить со славянами.

⁷⁸ Славяне вместо кроватей пользовались широкими или же просто составленными вместе скамьями. Кровать, как предмет мебели, придёт к западным славянам только в десятом веке, к восточным славянам ещё позже.

– Мару⁷⁹ во сне видела... Ходит вокруг меня, круг за кругом, и каждый круг всё уже и уже... Значит, скоро уже – пора... Обнимет меня скоро, и не выпустит... Но я жизнь прожила, сына взрастила... Жалею вот, что оженить тебя не успела. А так внуков хотела понанчить... Но о том пусть теперь Жели⁸⁰ плачут... Но жениться-то тебе давно пора уж... Была б я при ногах, нашла б тебе добрую... А так – сам ищи, да поскорее. Мне уж на это времени не отпущено.

Дражко смутился, не зная, что ответить матери, но она его смущения из-за своего болезненного состояния не увидела.

– Горислава звали? – спросил Дражко у Додолы.

– Сегодня только с утра был... Настои носит...

– Горислав меня из мертвецов воином в одночасье сделал... – вспомнил вдруг князь-воевода события трёхлетней давности.

– Нешто я не знаю, – сказала Додола.

– И матушку он поднимет...

Мать только горько улыбнулась на надежду сына.

– Не поднимет, сынок, уже не поднимет... Сам сказал, чтобы я готовилась с Марой встретиться... А слово Горислава всегда верное...

– Так и сказал?

– Так и сказал...

– Не-ет... Ты что-то не поняла, матушка... Я сам к Гориславу съезжу. Поговорю с ним...

– Что ездить, он к княгинюшке Рогнельде, почитай, каждый день приходит. А от нее ко мне заглядывает. Свидишься, как заглянет. Да он и тебе то же скажет. И сама я чувствую, что пора уже. Устала здесь...

Странно, но Дражко не знал о чём разговаривать с матерью, не находил слов утешения, чтобы облегчить ей муки болезни. Он привык общаться с мужчинами. Тем слово нужное подобрать легче. Только одно слово, и этого хватает. Мужчины многословия не терпят. А здесь что-то другое нужно, но он этого другого не знает, и не умеет. И от этого было жальче мать, было обидно за неё, будто бы он, родной сын, единственный оставшийся в живых из четырёх сыновей, не любит её. Дражко очень любил мать, и без раздумий своё бы здоровье отдал, чтобы помочь ей с болезнью справиться. Но знал, что это невозможно, и оттого казалось князю-воеводе, будто он чего-то матери не додаёт...

---

⁷⁹ Мара – богиня смерти.

⁸⁰ Жели – младшие божества жалости и печали.

Глава седьмая

Выезжали, совсем не отдохнув, ещё до того, как вернулась в крепость посланная в преследование варягов-русов сотня конных дружинников. Воевода Военег дал в сопровождение десяток конных стрельцов и десятков дружинников, строго-настрого приказав им, в случае опасности, перекрыть дорогу, самым костыми, как рогатками, поперёк дороги лечь, но княжескому отряду дать оторваться.

– Всё ж ты, княже, осторожен будь, – настаивал, провожая, воевода Гостомысла, и дёргал себя за короткую седую бороду, стриженную кругом, нервничал. Понимал, случись что с княжичем, спрос с него будет. – Ночь дюже темна, стрельцы издали стрелять не могут... Не нравится мне их настойчивость.

– А кому такое понравится... – хмыкнул Гостомысл.

– Что эт вдруг варяги так тебя невзлюбили? Под самый Славен залезть готовы...

– Не я им нужен, а мой пленник, – сказал княжич, не вдаваясь в подробные объяснения.

– Тогда, тем более... Осторожнее будь... Кто он такой?

– Назвался Вильчаном. Держит себя, как человек знатный. Узнаем...

– Если что, пленному копьё к груди, и приколоть слегка... Тогда отстанут, коли нужен...

Ну, Перун над вами, он всех видит...

– Он видит и варягов, а они его не меньше нашего уважают, – отговорился Гостомысл, довольный, что воевода не стал дальше про пленника расспрашивать. – Они тоже ему дары приносят, просят, чтобы пленника нашего освободил. А за кого Перун сегодня будет, только ему самому и известно. Не нам решать. Ладно, двинем мы...

Ночная напряженная скачка началась от самых крепостных ворот. Толком не отдохнувшие с прошлого перегона, кони воев сопровождения хрипели, но всё же шли ходким ровным галопом, не срываясь в рваный аллюр, обычно заставляющий всадников пригибаться к гриве и приподниматься на стременах. Гостомысл своего коня даже придерживал, чтобы скакать рядом с молодой женой, не умеющий тягаться в скачке на ночном зимнем ветру с опытными воями. Княжеские кони были свежими, в отличие от коней воев, и могли бы себе позволить быстрый бег. Требовалась только воля всадников. В данном случае, воля княжны Прилюды. Но она не была приучена к быстрой скачке, и потому движение задерживала. И ещё лошадь пленника железую скорость снижала. Впрочем, виноват в этом был не столько сам пленник, сколько только его лошадь. Ему специально, по подсказке сотника Бобрыни, дали такую, чтобы не смог ускакать от охраны. И, кажется, в усердстве перестарались. Лошадь Войномира постоянно норовила отстать. Хорошо хоть, не хромала.

Передохнуть остановились только у ворот следующей маленькой крепостицы, выставленной уже совсем рядом с городом. Здесь вся дружина состоит из десятка стрельцов и десятка лёгких конных воев, которые не столько для сечи предназначены, сколько для быстрого оповещения города о приближении опасности. Крепостица на возвышенности, горка по зимнему обычаю водой полита так, чтобы по льду к стенам не подобраться. Дорога сначала под крепостной горкой кольцом проходит, чтобы все проезжающие под стрелами оказались, и только потом к воротам круто сворачивает. И маленький гарнизон вполне в состоянии не слишком длительную осаду на крепкие ворота выдержать.

– Всё... Дальше можно будет уже спокойно ехать, и носы на ветру не морозить... – решил Гостомысл, и распорядился охране, выделенной воеводой Военегом, отправляться восвояси.

Конники сразу развернули лошадей, чтобы без отдыха успеть добраться до Лосинога брода в темноте. В светлое время, когда рядом с крепостью варяги появились, проезжать таким малым числом рискованно.

– Долго ль нам до дома ещё? – спросила Прилюда, потирая вышитыми бисером меховыми рукавичками докрасна прохваченное ночными морозцем и ветром лицо.

– Щёчки не расцарапай, – засмеялся Гостомысл. – Дадим вот лошадям отдохнуть, и через час будем дома. Даже не торопись, в час уложимся...

– Я уж скакала когда, думала, как в седле бы не уснуть, – улыбнулась молодая жена. – А то свалюсь лошадям под ноги, вот смеху для мужчин...

– Скоро отдохнёшь... Русалко, что там?

Вопрос, произнесённый совсем другим тоном, был обращён к молодому сотнику стрельцов, командующему в маленькой крепостице. Русалко всматривался с крепостных полатей⁸¹, установленных над воротами вместо башни, во что-то происходящее по ту сторону стен.

– Ой-ё... Твоя охрана, княже, никак назад скачет... Да-да... Они это, они... И за ними кто-то... Прямо под нами, по кругу... Похоже, варяги... Закрыть ворота? А то ведь, чего доброго, на плечах влетят...

– Стрелами отсечь... – дал команду Гостомысл, ещё не видя ситуации, но очень не желая закрыть ворота пред своими же верными воями, и оставить их без подмоги и надежды на спасение. А они, если их преследуют, именно за спасением сюда и должны скакать, и потому на княжича своего надеются.

Русалко давал команды дружинникам.

– Спрячь княжну, пленника не забудь под запор сунуть, – распорядился Гостомысл уже сотнику Бобрыне, осмотрелся, и сам полез по поперечинам, набитым на простое бревно, на полати к сотнику Русалко.

– Я с тобой останусь... – громко и требовательно попросилась вдруг Прилюда, но Гостомысл даже не обернулся, потому что своё распоряжение он уже отдал, а рука Бобрыни аккуратно, но сильно взяла княжну под локоть.

Десяток крепостных стрельцов тем временем взбирался на полати у стен, позицию у попрежнему распахнутых ворот, оцетинившись копьями, заняли и крепостные конные дружинники, и дружинники сопровождения княжича, так значительно усилившие гарнизон.

Уже громко застучали по защитным щиткам тетивы луков стрельцов. Первые пробные стрелы просвистели, измеряя ветер и отыскивая неверную, едва угадываемую в темноте цель.

– В своих не попадите... – прикрикнул Русалко.

– Как только наши ворвутся, закрывайте ворота! – сверху, только забравшись на полати, дал команду княжич.

И лишь после этого посмотрел за стену. Большой отряд варягов вытянулся по узкой дороге. Не меньше сотни, сразу определил княжич. Дистанция между преследователями и преследуемыми была очень коротка. Опасно коротка... Но даже в безлунной ночи чёрные силуэты на белом снегу рассмотреть было можно.

– Чуть-чуть бы им прибавить... – сочувственно сказал Русалко, и ударил металлической рукавицей по оgrade. – Оторваться бы ещё шагов на десяток... Мы бы тогда ворота затворить успели. А так – опасно...

– Не могут добавить, кони усталые, – посетовал Гостомысл. – Стрельцы... Командуй...

Русалко бросился к другому концу полати, чтобы стрельцы, скопившиеся там, по другую сторону ворот, могли его слышать.

– Дайте им на прямую линию выйти, и стреляйте прямо за спину. Отсекайте стрелами передних, чтоб оторвались...

До выхода на прямую линию осталось совсем недолго. Цепочка конников приближалась к крутому повороту дороги, и собиралась миновать его, не снижая скорости.

---

⁸¹ Полати – на стенах острогов и маленьких крепостиц, специальная площадка, с которой обороняющиеся могли поверх стен отстреливаться от нападавших.

– В сугроб бы не залетели... – сказал Гостомысл.

– Не должны, у них кони кованы...

Минуту наблюдали молча. Сотник пытался подсчитать количество преследователей.

– Многовато их... Трудно будет с открытыми воротами-то отбиться...

– Отобьёмся! – твёрдо сказал Гостомысл.

Сотник Русалко обернулся к середине крепостицы, махнул кому-то рукой, и крикнул:

– Зажигай!

Эта команда прозвучала для дружинника, занявшего позицию на устроенной в центре крепостицы вышке, где всегда был приготовлен сигнальный костёр из сухих дров, обложенных легкой в огне сухой берестой. Следующая, последняя перед городом крепостица, такая же маленькая, сигнал обязательно увидит и повторит. А оттуда уже и городские стены будут оповещены. И помощь выступит немедленно.

Гостомысл на вышку не обернулся, наблюдая за дорогой и драматической погоней. На полати к ним поднялся воевода Бобрыня. Быстро оценил ситуацию, и показал, что такое опыт воя.

– Брёвна есть? – спросил сразу.

– Под стеной... – Русалко понял подсказку без слов. – Эй, подавайте снизу брёвна... Быстрее, сверху берите...

В работу включились немедленно и дружинники внизу, и сам княжич, и оба сотника наверху, и стрельцы на вторых полатах. Снизу, бегом поднося необхватную тяжесть, подали пять тяжёлых брёвен, ещё люди поднялись, чтобы помочь, и водрузили обструганные стволы поверх ворот так, чтобы концы выходили на привратные полати.

– Верёвок давайте поболее... Крепкие чтоб... – громко скомандовал молодой сотник.

– Зачем верёвки? – не прерывая работы, поинтересовался старый сотник Бобрыня.

– Брёвна свяжем, сверху сбросим не по одному, а сразу... Как стена будет... Вместо ворот... Вымеряй длину, княжич...

– Дело, – согласился старый сотник.

А Гостомысл концом спущенной верёвки стал мерить расстояние, чтобы перекрыть путь конникам. Последнее бревно уже было поднято, и, как только подали дополнительные верёвки, сотники вместе с Гостомыслом стали связывать брёвна промеж собой так, чтобы между ними могло, при необходимости, ещё одно бревно поместиться. Это, как все поняли без слов, бойницы для стрельцов и копейников. Работали быстро, торопились, и бросали время от времени взгляды за стену. Стрельцы уже свою работу делали, и там, на дороге, падал с лошади то один из преследователей, то другой. Однако, ночь и неровность движения коней, их скорость в передвижении мешали всем выстрелам быть предельно точными. Но работа продолжалась. Необходимо было успеть до подхода противника.

Гостомысл впопыхах уронил рукавицу, которая, слышно было по вскрику, кого-то внизу своей металлической тяжестью ударила.

– Осторожней, там... – крикнул княжич. – Не стой внизу, неравён час, бревно свалится... Как брёвна сбрасывать будем? – спросил Бобрыню.

– Ломаем ограду... И лесину у ворот...

Верхние концы верёвок крепко-накрепко привязали к бревну венца надворотной стены. Несколькими ударами выбили крепления ограды полатей и крайнюю, к стене прилегающую широкую лесину. Измерили, и вторую лесину выбили. Посмотрели, как справились со своей задачей дружинники на вторых полатах, по другую сторону ворот. Там тоже всё закончилось. Теперь сооружение было готово к использованию. Вся сложность состояла в том, что ворота, как все крепостные ворота, открывались наружу – Такие сложнее тараном проломить. А брёвна можно было сбросить только изнутри, перекрыв проход импровизированной связанной стеной. Всадникам проскакать под брёвнами невозможно. Пешие, пригнувшись, смогут пройти хоть

наружу, хоть внутрь. Спешиться варягам не долго. Они одинаково хорошо воюют и в конном, и в пешем строю. Но выиграть время задумка Бобрыни и Русалко возможность даст. Кроме того, конники с разгону могли бы ворваться внутрь и натворить немало бед. Пешим так быстро ворваться невозможно. Ворота не широки. И сколько варяги в них выставят воев, столько же выставят и защитники.

Теперь осталось только ждать... Но ждать всем оставалось недолго, потому что стали слышны даже крики погони...

Варяги-русы тоже гнали коней во всю прыть, но и они, похоже, отправившись в преследование, не отдыхали этой ночью, следовательно, их кони не менее измучены, чем кони беглецов. И потому сократить дистанцию никак не удавалось. Но варяги, должно быть, были уверены, что перед таким численно превосходящим противником ворота крепости будут загодя закрыты, и остановившимся перед ними двум десяткам дружинников никуда уже не деться от варяжских мечей. И потому не отставали. Но то один из наиболее резвых, то другой вылетал из седла. Стрельцы в крепости свою работу знали, и выполняли её точно. Дважды стрелы роняли лошадей, и это вызывали гораздо большую задержку, чем падение всадника. Стрела сложного славянского лука легко убивала и лошадь и ведмедя, а всадника была способна прошить навывлет вместе с доспехами. И стрельцы продолжали обстрел.

– В лошадей стреляйте, в лошадей... – криком подсказал Бобрыня, но к этому времени стрельцы и сами, должно быть, уже поняли ситуацию, потому что одновременно с криком сотника узкую дорогу перегородили сразу три упавшие лошади, что вызвало небольшую свалку, дистанцию чуть-чуть увеличило, хотя в целом и не остановило поток воинов.

– Готовимся! – подал команду Гостомысл. – Вместе! Готовимся...

Два сотника и княжич бросились к брёвнам, уложенным на краю полатей в неустойчивом равновесии. И одновременно тянули шеи, приподнимая головы над частоколом, пытались всмотреться в дорогу. Но им ничего не было видно. Хорошо хоть, на соседних полатях людей собралось больше, и там нашёлся человек, который самостоятельно принял команду на себя, и громко объявил об этом. Уже застучали по бревенчатому настилу перед воротами крепости копыта передовых коней, уже встали несколько наиболее рискованных дружинников внизу, вплотную к месту, куда должны упасть брёвна, и готовы были потянуть на себя верёвки, закреплённые за створки ворот... Уже последние конные дружинники пересекали спасительную заветную черту, уже и варяги готовились перескочить ту же черту, и оказаться в крепостице, когда раздалось громкое и решительное:

– Да-авай!

Эта команда чуть-чуть запоздала, но дружинник боялся своих задеть, и потому переждал момент. С десятков преследователей всё же проскочило в крепость, где их тут же встретили стрелами и копьями, сразу свалив на землю. Варяги всё же успели тоже ответить несколькими ударами, но их оказалось слишком мало. А весь остальной поток чужих воинов, только что казавшийся грозной таранной силой, которую невозможно ничем остановить, был резко пресечён мощнейшим ударом стены из пяти тяжелых связанных друг с другом брёвен. Эти брёвна повалили и всадников, и лошадей, ломая кости и круша густую и стремительную человеческую реку. Варяги с трудом, потому что подпирали задние, всё же отхлынули под ударами копий и потоком стрел, что пролетали между брёвен. Но ворота закрыть теперь уже оказалось невозможным. Брёвна свалили и убили сразу четырёх лошадей, и лошади, и смятые воины закрыли створкам возможность повернуться на петлях. А копейная атака из новых и таких непривычных сначала бойниц, и несколько десятков стрел, выпущенных между бревнами ворвавшимися в крепость спасёнными из Лосинога брода, успевшими развернуться и вступить в схватку, свалили ещё добрый десяток варягов. И, в итоге, перед воротами образовалась куча тел из мёртвых и раненых людей и лошадей. Разобрать такую кучу в спокойной-то обстановке не просто, а в условиях боя вообще невозможно.

– Ещё брёвна тащите! – крикнул Гостомысл, сообразив, что варяги вот-вот опомнятся, спешатся, и смогут проникнуть в крепость, перебравшись через тела погибших товарищей, и поднырнув под висячую стену. И такую сильную реку будет трудно остановить стрелами и копьями, потому что они смогут ещё передвигаться достаточно быстро. Передние своими телами закроют задних, и пока стрелец натянет тетиву, дистанция сократится до расстояния мечного или копейного удара. Конечно, и напор можно сдерживать встречным равным напором, но ни к чему лишние жертвы, когда можно всё сделать легче.

Несколько воинов бросилось выполнять команду княжича. От противоположной стены крепостицы подтащили новые брёвна, приготовленные для каких-то внутренних работ. Первые два бревна были успешно устроены под висячей стеной, но когда несли третье бревно, из-за ворот вылетело несколько стрел – некоторые варяги были вооружены такими же луками, как и словене, и умели ими пользоваться не хуже. Но место погибших тут же заняли новые дружинники, так же торопящиеся, знающие, что иначе всем им может грозить гибель. Четвёртое бревно было выставлено нормально – помогли стрельцы сверху и снизу, усилившие обстрел. При переноске пятого ещё трое погибло. Но теперь прорваться в крепостицу с ходу и быстро стало невозможно.

Гостомысл с сотниками уже спустился на тесную привратную площадь, освобождая верхнее место дружинникам, готовым сбрасывать с полатей через стены большущие заранее приготовленные камни. С других полатей такие камни уже летели в варягов. А княжич с сотниками Бобрыней и Русалко, вооружённые мечами, заняли место в первых рядах осаждённых, и не пускали врагов в крепость. Сражение началось уже в полном объёме, какими бывают серьёзные, вошедшие в историю сражения, и красные отблески большого сигнального костра на вышке создавали впечатление битвы за крупный осаждённый город, в котором уже начался обязательный в таких случаях пожар. Ярость и отвага одних встречалась с такой же яростью и отвагой противника, умение владеть мечом или копьём сталкивались с точно таким же умением. Никто не хотел отступать, нанося один за другим удары. Грохотало железо, рассыпались разбитые щиты, с глухим лязганьем гнулись и рвались под ударами доспехи. Люди рычали и кричали, противника пугая и себя доводя до полного неистовства смертельного боя. И никто, ни с той, ни с другой стороны, не задумывался над тем, малое сражение идёт или большое, никто не сомневался в том, что именно его отвага и именно его удар может решить исход боя. Каждый отдавал себя рати полностью и без остатка, подспудно сознавая, что остаток и умение себя щадить могут им больше и не понадобиться...

Варяги торопились, стремясь прорваться внутрь, понимая, что потом это уже будет невозможно, но здесь уже их силы равнялись силам осаждённых, потому что у ворот каждая из сторон могла выставить одновременно только одинаковое количество воев. Более того, осаждённые даже преимущество имели, потому что их стрельцы могли вести обстрел сверху, из-за укрытия, в то время, как варягов укрывали только их собственные большие круглые щиты, которые, как известно, от стрелы, практически, не спасают. Стрела не просто пробивает щит, она пробивает его насквозь, и только незначительно теряет силу. Тем не менее, воина за щитом тоже бьет, и, если не убивает, то хотя бы выводит из строя.

Но такое равновесие сил продолжалось не долго. Тот, кто варягами-русами командовал, вероятно, воинский опыт получал не у бивуачного огня из рассказов бывалых ратников, и сообразил, что сигнальный костёр просто так не зажигают, и в крепость вот-вот подоспеет подмога. Взять крепостицу с ходу не удалось. Значит, не удастся вовсе. Команда прозвучала из задних рядов, и передалась по вытянутому колонной строю. Варяги успели вытащить из-под ворот своих раненых, крепостные стрельцы им в этом даже не мешали, потому что помощь раненым и у тех и у других считалась делом святым, и тут же отступили, провожаемые радостными криками от стен.

При той ширине дороги, что не давала никакой возможности развернуть строй в цепь или лаву, осаждённым, несмотря на численное меньшинство, можно было бы и вылазку сделать, чтобы ударить противника в спину. Но на дороге, когда сражающиеся стороны увязнут в сече, часть варягов имела бы возможность спешиться, и пешком, через не слишком глубокие сугробы, зайти во фланги и в тыл. Гостомысл, прикинув варианты, решил не рисковать.

– Очистить ворота! – прозвучала его команда.

Кто-то из дружинников крепостицы принёс княжичу его оброненную сверху металлическую рукавицу. Гостомысл поблагодарил кивком, посмотрел на руку, она оказалась вся в крови – ободрал бревном. Но на такую незначительную рану княжич внимания не обратил, натянул рукавицу и вышел за ворота.

Варяги отступали так спешно, что отступление было похоже на бегство.

– Им разведка сообщила – нам помощь идёт... – прочитал ситуацию сотник Русалко. – Иначе они бы обязательно попытались поджечь нас... А не успели...

– Не слишком ли далеко Войномир руки протягивает... – высказал свою оценку событий Бобрыня. – Не иначе, на Славен метит. Не рано ли ему?..

Гостомысл промолчал, и вспомнил слова волхва Вандала, который советовал ему очень торопиться, чтобы вовремя вернуться, и услышать «заветное слово» отца. Может быть, варяги-русы тоже знают, что он должен будет услышать это «заветное слово»? И именно потому стараются ему помешать? Может быть, не только освобождение своего князя они ставят во главу преследования? Тогда, тем более, следует торопиться...

Где же подмога?..

* * *

В самом стольном граде Славене, куда гонец доставил берестяное письмо с резаным руническим сообщением⁸², знали о предстоящем приезде Гостомысла, и знали об опасности, которой княжич подвергается в пути. Костёр на сигнальной вышке был замечен вовремя и воспринят правильно. Помощь прибыла в самом деле необычайно скоро, но удивляться этому не приходилось, потому что младший брат княжича Владимир, после предупреждения отца, держал «под седлом» готовую к выступлению дружину на быстроногих конях. Владимир сам и прибыл к приграничной крепостице во главе её, чтобы выручить застрявшего в осаде старшего брата.

Время терять Гостомысл не захотел. Сменили в крепостице дружину, оставив новым воям возможность со свежими силами привести ворота в порядок, и, вместе со старой дружиной, быстрым ходом направились к Славену.

Проведя там только короткий остаток ночи, Гостомысл поднялся с первым светом, пробившимся сквозь стекло. В крепости Карела и в самой Бьярме вставали позже. Там лучам света предстояло пробиться сквозь мутные, туго натянутые бычьи пузыри, которые свет всегда пропускали хуже, и людей спозаранку не будили. На удивление княжича, Прилюда поднялась ещё раньше, зная, как много дел предстоит сделать до отъезда мужа. А Владимир вообще, как оказалось, в эту ночь не стал ложиться, взвалив на себя заботу о снаряжении дружины старшего брата. И хорошо вооружённая сотня стояла, готовая выступить вместе с Гостомыслом в дальний поход. Ещё одна сотня, стрелецкая, во главе всё с тем же Русалко, почти ровесником и другом детских лет Владимира, приторачивала к сёдлам походные тулы⁸³ и длинные налучья.

---

⁸² Археологические данные, а в большей степени данные летописных арабских, византийских и германских источников говорят о том, что славяне были грамотными людьми и имели письменность, которую называли «буквица», и второй вид письменности – рунический. Причём письменность эта была распространена не только среди высших классов общества, но и повсеместно, даже среди простого люда.

⁸³ Тул – кожаный или берестяной цилиндр, предназначенный для стрел. Колчан появился у славян только через несколько

Вои, сопровождавшие княжича из ставки отца, получили особую задачу – охранять пленника. Силы для сопровождения посольства были выделены большие, но это было необходимо, поскольку ехать предстояло через чужие земли, и кое-где предстояло, возможно, пробиваться с боем. Гостомysl уже несколько раз путешествовал по этому пути с дружиной, и знал, что ему предстоит.

В итоге княжичу осталось только семейные дела уладить – познакомить Прилюду с детьми от покойной первой жены; потом поручить её заботам властолюбивой красавицы Велиборы, молодой жены брата Вадимира, дочери освобожденной хозарской рабыни. Велибора собиралась вскоре произвести на свет, как предсказали волхвы, прекрасную дочь; потом еще было необходимо передать самому брату тщательные наставления Буриvoja. Велибора давно освоилась в княжеском тереме, и взяла на себя заботы обо всём хозяйстве, что после смерти жены Буриvoja осталось без пригляда.

И только после всего этого можно было садиться на коня...

– Не много ли ты мне охраны даёшь? Чать, самому понадобится может... – осмотрев своё сопровождение, все же засомневался, и сказал Гостомysl брату. – Я с помощью к Годославу ездил, всего четыре сотни брал, а тут с посольством...

– Ляхам всё одно, что войско, что посольство... – сказал Вадимир. – Тебе через их земли тоже ехать, и дружинники, и стрельцы там сгодятся... А я здесь справлюсь... В Русе пока тишина. Русы зимой выступать не любят...

Гостомysl и сам хорошо знал, что самый трудный, хотя и небольшой, участок его дороги лежит через земли ляхов, ливов и пруссов. Там, даже если с одним князем ладишь, другой на его землю войдёт, чтобы пленников захватить. И не знаешь, к кому можешь в руки попасть, не знаешь, на кого следует лук поднимать, а кому протягивать руку для рукопожатия. Без войска через земли ляшские ходить более рискованно, чем через земли варягов-русов. Да и не со всякими ливами договориться можно. С приграничными, вроде бы, давно мирные отношения, торговля, и даже помощь друг другу, а чуть в глубину ливских болот уйдёшь, из каждой чащи дикая ватажка лихих людей выскочить может. Там тоже, как и у ляхов, порядка не любят... Единственно, ближе к владениям бодричей, земли поморян – места спокойные. Поморяне, хотя и ближайшиe родственники ляхов, отличаются от них любовью к порядку...

Глава восьмая

Слегка растерянный и расстроенный состоянием, а ещё больше настроением матери, спустился князь-воевода с третьего этажа на второй в свои покои. Зашёл в свои комнаты, вычищенные слугами к его приезду так, что ни одной пылинки на оконных стёклах было не сыскать. Но там, постояв несколько минут без цели у окна, посмотрев некоторое время на площадь и на дворцовую галерею, где раньше часто прогуливалась княгиня Рогнельда, надолго не задержался. И всё в той же задумчивости двинулся к выходу из Дворца.

На узкой боковой лестнице, уже около выхода на первый этаж, ему встретился князь Додон, разговаривающий с кем-то из своих слуг. Додон шагнул навстречу, загоразивая проход, и приветливо протянул для рукопожатия свою холёную узкую ладонь, больше привычную к гребню для его длинных волос, чем к рукоятке меча. Естественно, князь-воевода такую руку уважать не мог, хотя вынужден был на рукопожатие ответить.

Приличия в общении соблюдал даже такой человек, как Дражко.

– Я рад, Дражко, поприветствовать тебя персонально... – Додон весь, казалось, светился радостью встречи. По крайней мере, об этом говорила его широкая белозубая улыбка. Однако глаза при этом оставались совершенно холодными и непроницаемыми.

– Здрав будь, Додон... – усы князя-воеводы не пошевелились, как бывало, когда он радовался встрече с кем-то. И сам тон ответа не показался князю тёплым.

– Я вот в дорогу собираюсь. Хочу съездить ко двору Карла Каролинга, удовлетворить своё извечное любопытство. Согласно твоему сообщению, он перебирается на зиму в Саксонию... Это же совсем рядом. Когда ещё мне представится случай! Надо его не упустить... В Византии много разговоров о Карле. Императрица Ирина долго каялась, что не смогла стать его родственницей⁸⁴.

– Это проблемы императрицы и всех гадких манер византийского двора. Они эти манеры пытаются всеми миру навязать, и, к сожалению, в каждом государстве находятся такие, кто подражает византийцам...

Слова Дражко напрямую относились к князю Додону, но тот сделал вид, что не понял намёка, и ловко перевёл разговор на другую тему:

– И ещё, говорят, король Карл в большом восторге от тебя и от твоих полководческих талантов! Да и сам ты недавно не упустил момента, чтобы не похвастать этим... – Додон не пожелал остаться в долгу, и ответил уколом на укол.

– Да, он относится ко мне с уважением, как и его дядя и главный полководец франков монсеньор Бернар, с которым мы особенно сдружились. Если будешь принят при дворе, передай от меня поклоны королю и его ворчливому дядюшке, – холодностью тона князь-воевода показал, что не желает продолжения разговора даже ради того, чтобы защитить себя от обвинений в хвастовстве, хотя его хвастовство было только ответом на вопросы Годослава.

---

⁸⁴ Византийская императрица Ирина, вдова императора Льва Четвертого, и регентша при своем сыне Константине Шестом, имела договорённость с Карлом Великим о браке своего сына с его дочерью Ротрудой. Но, по достижению Константином совершеннолетия, императрица приказала ослепить сына, поскольку не желала отдавать свою власть, а согласно византийским законам увечный человек не может стать императором. Карл после этого расторг договор о браке и прервал с императрицей всякие дипломатические связи. Перед венчанием с наследником императорского престола Львом, будущая императрица дала клятву императору Константину Пятому, что никогда не будет поклоняться иконам. Лев Шестой сначала ослабил под давлением жены гонения на иконопочитателей, но потом возобновил их с новой силой. Но править Византией Льву довелось только пять с половиной лет. Ряд историков считает, что император был отравлен женой, желавшей захватить власть. Став регентшей, Ирина, не вспомнив о своей клятве Константину Пятому, поставила патриархом вообще не духовное лицо, а своего секретаря Тарасия, созвала Вселенский собор, который по ее приказу со второй попытки (первая попытка проведения собора была сорвана армией, поддерживающей иконоборцев) установил в Византии иконопочитание, и изгнал с церковных постов всех иконоборцев. Императрица устроила на них жестокие гонения.

– Передам обязательно. Поговаривают, что король возит с собой много женщин для развлечения двора и скрашивания собственного досуга? Никому из них ты привет передать не желаешь?

– Нет, не желаю, – теперь Дражко ответил даже более, чем холодно, почти с раздражением.

– Ах, да, слышал я, что ты время проводил с кем-то ещё... Не из королевской свиты...

Дражко только сердито пошевелил усами, но не ответил ничего. Просто кивнул головой, то ли прощаясь, то ли требуя дорогу уступить, и двинулся дальше к выходу, основательно раздражённый этой встречей. Додон за князем-воеводой на крыльцо не вышел, только спросил вслед:

– Сейчас-то куда спешишь?

– К себе, в загородное имение, – почти не обернувшись, через плечо бросил Дражко.

– Меня в гости не пригласишь? – князь Додон, вроде бы, назойливо в друзья навязывался. – Говорят, в твоих погребах мёд знатный...

– Нет... Я хочу в одиночестве отдохнуть после дальней дороги, – ответил Дражко теперь уже грубо, и скрылся в дверном проёме.

На крыльце, пока князь-воевода ждал, когда ему подадут лошадь, со спины опять кто-то неслышно подошёл, и молча остановился. Услышав дыхание, Дражко, с трудом сдерживая недовольство, обернулся, думая, что это князь Додон не уgomонился. Однако теперь рядом с князем-воеводой стоял молодой вой, почти мальчишка, в лёгкой кольчуге, при тяжёлом для его руки мече, но без шлема, только волосы поперёк лба перевязаны тонким кожаным ремешком. Светлое лицо показалось отдалённо знакомым, но Дражко встречался со многими воями из княжеских дружин, многих знал по имени, большинство же просто многократно видел, и не знал, да и знать был не обязан. Это обязанность воинов, знать своего предводителя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.